

Легкий как перышко

Автор:

[Зои Арсен](#)

Легкий как перышко

Зои Арсен

Wattpad. ТОП мистика Легкий как перышко #1

Выпускной год должен был стать лучшим годом в жизни МакКенны Брейди. Ее приняли в группу популярных девчонок под предводительством Оливии Ричмонд – местной принцессы, и теперь МакКенна обрела не только авторитет и лучших подруг, но и оставила в прошлом прежние раны.

Однако все меняется, когда на девичник к Оливии приходит таинственная новенькая – Вайолет Симмонс.

Вайолет предлагает сыграть в игру, во время которой ведущий предсказывает, как и когда погибнет игрок. Невинная забава! Во всяком случае, именно так и считали девушки, пока в скором времени Оливия не погибает...

В точности так, как предсказала Вайолет.

Зои Арсен

Легкий как перышко

Zoe Aarsen

LIGHT AS A FEATHER

Text Copyright © 2013 by Zoe Aarsen

The author is represented by Wattpad.

Cover illustration copyright

Cover designed by Laura Eckes

© 2019 by Avery Muether

© Анна Сибуль, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Сейчас, вспоминая вечеринку в честь дня рождения Оливии Ричмонд, я понимаю, что мои первоначальные ожидания были настолько наивными, что их можно было бы даже назвать жалкими. Шла вторая неделя одиннадцатого класса старшей школы. До Осеннего бала оставалась неделя, поэтому больше всего я беспокоилась о том, пригласит ли меня на танцы какой-нибудь симпатичный парень.

Вайолет предложила сыграть в очень простую на первый взгляд игру. Не нужно заучивать правила, раздавать карты или разделяться на команды.

Только вот она не упомянула, что победителем в ее игре всегда становится она сама.

А также о том, что участие в игре может стоить жизни.

Глава 1

– Хм, ты не говорила, что Генри приедет домой на выходные, – упрекнула Кэндис Оливию, прервав ее монолог о поисках идеального платья для Осеннего бала.

Охота за ним началась еще летом – тогда у Оливии уже сложился определенный образ. Мы все без труда могли его себе представить: за время похода в торговый центр Оливия дважды в ярких деталях описала предполагаемый наряд. Платье мечты должно было быть цвета ванильной глазури: не настолько желтое, чтобы быть летним, не настолько белое, чтобы походить на платье невесты, и куда менее официальное, чем платье на выпускной. Подошел бы цвет экрю, яичной скорлупы, или любой другой подобный оттенок, который подчеркнул бы эффектный загар Оливии, заработанный ежеутренней греблей в летнем лагере в Канаде. Мои ежедневные пробежки под палящим солнцем Флориды не принесли мне такого темного цвета кожи.

Мы шли к дому Ричмондов от автобусной остановки, расположенной в паре кварталов от него. Мы планировали переночевать у Оливии, чтобы отпраздновать ее день рождения. Лямка моей сумки больно впивалась в плечо: пришлось все необходимые для вечеринки вещи взять с собой в школу, а потом и в торговый центр.

Стояла первая неделя сентября. Хотя я знала Оливию, Мишу и Кэндис всю жизнь, общаться с ними я начала только в этом семестре. Меня ни за что не

пригласили бы на вечеринку в честь дня рождения кого-то из них в девятом или десятом классах. Я понимала, что возможность вхождения в их компанию (как и последовавшую за этим новообетенную популярность) дала мне произошедшая со мной за лето метаморфоза. Я еще только осваивалась в новом кругу и привыкала ко вниманию парней, которые раньше на меня и не взглянули бы.

Оливии позже всех из нас исполнилось шестнадцать – и ни у кого из нас в тот сентябрь еще не было собственной машины. Миша делила авто со старшей сестрой, которая, казалось, ее постоянно использовала. Разведенные родители Кэндис не разрешали ей садиться за руль, пока она не покажет им в таблице оценки получше. Это был тот редчайший случай, когда ее мама и папа сходились во мнениях. Ехать домой на автобусе не очень хотелось – но так мы меньше ходили на «ботаников», чем если бы кто-то из родителей забирал нас из торгового центра на машине.

В тот день у нас было хорошее настроение: мы выпили сладкого кофе латте, потратили деньги родителей на сережки и книжки в мягких обложках – просто ради того, чтобы принести что-то новое домой к Оливии. Странно было бы уходить из торгового центра с пустыми руками – это казалось бы пустой тратой времени. Я купила себе сережки-подвески. Мне показалось, что они будут классно смотреться на Осенних танцах, если кто-то из парней все-таки пригласит меня.

Оливия бросила взгляд в сторону своего дома в конце квартала: это на его подъездной дорожке Кэндис заметила синий пикап Генри. Оливия сморщила свой ангельский носик и уперла руку в бок, словно возражая против присутствия старшего брата в их трехэтажном доме.

– Хм, я не знала, что он приедет, – заметила Оливия.

– Кто такой Генри?

Вайолет Симмонс была в городе новенькой. Только девушка, переехавшая в Уиллоу этим летом, могла не знать, кто такой Генри Ричмонд.

– Мой брат, – сообщила ей Оливия с отвращением в голосе.

– Ее ужасно симпатичный брат, – добавила Кэндис. Ее грудь была пышной, а голос – басовито-грудным. Ее фамилия была причиной, почему каждый человек в классе смеялся, когда заменяющий учитель зачитывал список и объявлял ее как «Коттон, Кэнди»[1 - Cotton candy (англ.) – сладкая вата (Прим. переводчика)]. Она не была такой красивой, как Оливия, но издали – если солнце освещало ее под удачным углом и если потом прищуриться – походила на модель. В течение первых двух недель пребывания в кругу общения Оливии я постоянно удивлялась произносимым низким грудным голосом мыслям и замечаниям Кэндис. Например, она предполагала, что мистер Тиррелл, учитель биологии, хорошо целуется. В конце десятого класса (в те времена, когда я еще была прежней версией МакКенны) ее отстранили от занятий на три дня после того, как тренер Хайленд во время физкультуры поймал ее под трибунами с Айзеком Джонстоном. Кэндис высказывала вслух все то, что было у нее на уме, и, хотя она казалась мне «прикольной», я все же ее немного опасалась. Скорее всего, она все дни напролет думала лишь о том, как бы поразвлечься с парнями.

– Ты невыносима, Кэндис, – закатила глаза Оливия.

Но не только Кэндис считала Генри симпатичным. Я сама была влюблена в него примерно со второго класса, когда в нашем маленьком городе еще существовала традиция приглашать всех учеников младшей школы на дни рождения.

Генри был на два года старше Оливии и недавно пошел в колледж в Нортвестерн. Он изучал социологию, а после окончания собирался заняться юриспруденцией. Я знала об этом, потому что выучила подписи ко всем его фотографиям в ежегодных школьных альбомах. В прошлом году Генри уже был выпускником, его приняли в Нортвестерн с хорошей стипендией, а я оставалась непримечательной десятиклассницей. Скорее всего, он ни разу не взглянул в мою сторону – даже когда наши пути пересекались в школьных коридорах. Если бы он и заметил меня, то вряд ли бы связал с той пухлощечкой второклассницей, которая сидела за обеденным столом его родителей и пела при свете свечей «С днем рождения, Оливия», когда той исполнилось восемь.

– Мне кажется, это мило! Он вернулся домой на твой день рождения, – сказала Миша.

Она была полной противоположностью Кэндис. Маленькая и гибкая, Миша была школьной звездой по гимнастике. У нее были идеально прямые густые, тяжелые

и блестящие каштановые волосы, достающие до талии. Она выбирала слова осторожно и была остра на язык – но за две недели нашего знакомства я поняла, что ее глаза скрывали целый океан мыслей.

– Он вернулся домой не ради моего дня рождения, – возразила Мише Оливия. – Скорее всего, он здесь из-за своей дурацкой ноги.

Генри выступал в составе теннисной команды старшей школы Уиллоу и впервые за двадцать лет привел ее к победе. Большую часть двенадцатого класса он играл со стрессовым переломом стопы. Генри обратился к врачу только после победы в чемпионате в Мэдисоне – после чего начал ковылять по школе в пластиковом гипсе. На выпускной церемонии он пересек сцену на костылях, и директор Ниландер одобрительно похлопал его по спине. Я знала об этом, потому что присутствовала на церемонии в качестве члена команды знаменосцев, хотя и была только десятиклассницей. Я держала огромный белый флаг в течение всего торжественного собрания под жарким июльским солнцем, наблюдая за Генри Ричмондом и восхищаясь его ростом, золотисто-каштановыми волосами и яркими зелеными глазами.

Было бы враньем сказать, что я не радовалась присутствию Генри в доме Ричмондов в ночь пижамной вечеринки Оливии. Мы подошли к дому – лагерь на ночь мы намеревались устроить в подвале. Мое сердце затрепетало при мысли о том, что я увижу Генри и, возможно, смогу заглянуть в его спальню.

Когда мы пересекали лужайку дома Ричмондов, нагруженные сумками из торгового центра вдобавок к школьным рюкзакам, стеклянная дверь открылась и на порог вышел сам Генри.

– Только посмотрите, кто наконец дома! Именинница! – крикнул нам Генри. Он небрежно покручивал на указательном пальце ключи от своего пикапа.

– Чего ты вернулся, ботан? – спросила Оливия, пихая его снятым с плеча рюкзаком. Он умело увернулся, явно привыкший к постоянным игривым потасовкам.

– Я бы ни за что не пропустил твою вечеринку принцесс, – поддразнил ее Генри, оглядывая нас. Я почувствовала, как краснеют мои щеки, в то время как он нас осматривает: компанию самых красивых шестнадцатилетних девушек старшей

школы Уиллоу. Конечно, он знал Мишу и Кэндис, так как те давно дружили с Оливией. Наверное, он также заметил, что в хихикающей компашке не хватает одного лица: Эмили Моррис, рыженькой девчонки, которая летом переехала в Чикаго.

– Да уж, конечно, – усмехнулась Оливия. – Так где мой подарок?

– Мое присутствие и так уже подарок, – пошутил Генри. – Кроме того, твой день рождения завтра. Так что даже если я привез тебе кое-что классное из колледжа, то придется подождать до утра.

Я подумала о лежавших в моем рюкзаке серебряных сережках лентовидной формы, которые я собиралась утром подарить Оливии. На них я потратила большую часть денег, подаренных дедушкой, бабушкой и другими родственниками на мой собственный день рождения.

– Злюка, – ответила Оливия.

– Генри, ты уже знаком с Мишей и Кэндис. А это – Вайолет и МакКенна, – представила нас Оливия, кивая в сторону каждой из нас.

– МакКенна, – повторил он, оглядывая меня с ног до головы своими ярко-зелеными глазами. За время, прошедшее после выпуска Генри и начала летних каникул, я съездила во Флориду к папе и его жене Ронде, работавшей медсестрой. Она помогла мне скинуть девять килограммов, из-за которых мне приходилось в течение нескольких лет покупать вещи большого размера в специальных магазинах. Когда я вернулась домой в Висконсин, мама оценила мой новый внешний вид – и наконец смирилась с дороговизной глазных линз. Мне еще в третьем классе поставили диагноз «близорукость» – но только сейчас я смогла наконец-то освободиться от очков. Если верить Оливии, меня стало просто невозможно узнать. Наверное, это должно было бы меня оскорбить – однако мне польстило, что она находит меня привлекательной.

– Я тебя помню. Ты живешь на Марта-Роуд, да?

Столь внезапного внимания с его стороны было достаточно, чтобы заставить меня заикаться. Если бы я знала, когда Оливия приглашала меня к себе, что там будет и Генри, – скорее всего, я бы испугалась и отказалась: придумала бы

какую-нибудь отговорку – например, что нужно ехать в город с мамой.

– Ага, – удалось ответить мне.

Удивляло не то, что он знал, на какой улице я живу. Это было известно всем еще с тех пор, когда мне было восемь: все ездили мимо нас. Наверное, меня поразило, что он помнил это спустя столько лет.

– Круто, – кивнул Генри, не улыбаясь.

Последовало мгновение неловкой тишины, и я боялась, что все (кроме Вайолет) думали об одном и том же: о той причине, по которой Генри все еще помнит меня. Об этом редко говорили в городе, а я и подавно предпочитала об этом особо не думать. К счастью, никто ничего не сказал.

«Ты МакКенна Брейди, та девочка»...

– У меня есть билеты на «Пэкерс» на завтра, – объявил Генри, нарушая тишину. – Мы с папой поедem на игру после визита к рентгенологу.

– Так и знала, – обратилась к нам Оливия. – Видите? Он здесь ради рентгена. Ему плевать, что мне исполняется шестнадцать.

– Я ничего не могу поделать с тем, что футбольный сезон начинается в день рождения моей сестренки, – поддразнил ее Генри. – А теперь, простите, мама попросила меня выполнить несколько поручений в городе.

* * *

На часах было уже почти шесть, и был вечер пятницы. Небо имело сиренево-голубой оттенок, как будто бы сейчас продолжалось лето, а не было начало сентября. Стояла сухая и теплая погода, так что на уроках я не могла сосредоточиться – мозг пребывал в убеждении, что все еще длятся каникулы. Было так тепло, что Оливия велела захватить на вечеринку купальники – если вдруг нам захочется окунуться в бассейн перед ужином. Я гадала, оставалось ли это в ее планах: хотя я уже надевала свой новый купальник пару раз у папы во Флориде, в многоквартирном доме, где он жил, – перед знакомыми в Уиллоу его

демонстрировать еще не доводилось. Сама мысль о том, чтобы появиться в нем перед Генри, будоражила меня, и сердце начинало колотиться. Я лишь недавно скинула вес и все еще не могла поверить глазам, когда смотрела в зеркало. Мне всегда казалось, что килограммы могут как-нибудь внезапно вернуться.

Ричмонды были богаты – или, по крайней мере, финансово успешны настолько, что я была уверена: мама Оливии не вырезает купоны из воскресной газеты для покупки средства для мытья посуды или замороженных низкокалорийных ужинов, как моя. Можно легко предположить, что утром на подъездной дорожке Ричмондов Оливию будет ждать миленькая малолитражная машина с бантиком. Пришлось подавить внезапный всплеск зависти. Мне исполнилось шестнадцать в июле – и задолго до этого дня я знала наверняка, что машину мне уж точно не подарят.

Когда позади нас взревел двигатель пикапа Генри, Кэндис пробормотала:

– А нельзя, чтобы твой брат приехал, когда день рождения будет у меня?

* * *

Час спустя мы плавали в бассейне; разговор вернулся к предстоящим танцам. Я плескалась в дальнем конце бассейна, одной рукой придерживая розовый надувной матрас. Вполглаза наблюдая за приближением темных сердитых грозовых туч с юга, я одновременно приглядывала за раздвижными стеклянными дверями, ведущими в гостиную Ричмондов. Я лишь недавно подружилась с Оливией и не могла расспрашивать ее о брате – да и не была настолько уверена в своей привлекательности, чтобы подумать, будто он может мною заинтересоваться. Насколько я знала, Генри снова встречался с Мишель Кимболл, с которой у него были отношения в одиннадцатом и двенадцатом классах. Говорили, что они расстались в начале лета, потому что отправлялись осенью в разные колледжи. Мишель дружила с Амандой, старшей сестрой Миши, и я решила, что лучше не выказывать интереса к Генри.

«После танцев обязательно поедем к “Бобби”, – сказала Миша, и мое внимание вернулось к девочкам в бассейне, отвлекшись от мысли, что стеклянная дверь может в любой момент открыться, пропуская Генри. – Аманда и Брайан отвезут меня с Мэттом. Пит будет на машине?»

Вайолет наострила уши при упоминании Пита. Я гадала, рассказал ли уже ей кто-то в школе о том, что Оливия и Пит встречаются. Они влюбились друг в друга еще в четвертом классе. Если кто-то из парней Уиллоу и был недоступен – так это Пит. Вайолет должна была уже понять перед вечеринкой, что дружба с Оливией являлась чем-то вроде победы в социальной лотерее. Было бы крайне глупо с ее стороны проявить интерес к Питу, бросив тем самым вызов статусу Оливии. Наш городок – очень маленький, и мало кто из девочек будет с тобой общаться, если ты станешь врагом Оливии, Кэндис или Миши.

Мише невероятно повезло, что ее сестра Аманда была двенадцатиклассницей и встречалась с капитаном школьной футбольной команды. Пусть даже она все время использовала их общую машину – зато Мише не приходилось идти в школу пешком или ехать на автобусе, потому что Аманда всюду ее возила.

Ее популярность создала базу для Миши. Аманда была капитаном команды чирлидеров, а в этом году стала капитаном школьной сборной, будучи такой же гибкой и атлетичной, как и ее младшая сестра.

– Таков план, – лениво протянула Оливия, наблюдая за тем, как ее длинные платиново-светлые волосы струятся по поверхности воды. Пит был одиннадцатиклассником, как и мы. Ему только что исполнилось шестнадцать, и он получил права. Родители Пита купили ему черный «Инфинити», и с тех пор каждое утро он въезжал на школьную парковку, словно король.

«У Бобби» была единственной круглосуточной закусочной в городе – местом, где собирались крутые старшеклассники после школы и футбольных матчей. Даже McDonald's и KFC закрывались в десять часов вечера. До одиннадцатого класса я отваживалась зайти туда с мамой только утром в выходные, чтобы позавтракать.

– Так каков план? Поедем вместе? Мой отчим психанет, если я скажу, что поеду только с Айзеком, – сказала Кэндис.

Она растянулась лицом вверх на плавучем матрасе цвета морской волны и водила руками по поверхности воды. Несмотря на весь ее аппетит насчет парней, Кэндис вроде как встречалась только с одним. Айзек (тот самый, который был причиной ее трехдневного отстранения от занятий в десятом классе) в этом году перешел в двенадцатый класс. Это был крупный парень с

раскатистым смехом, он играл защитником в футбольной команде. Мне бы Айзек нравился, если бы каких-то пять месяцев назад он не дразнил меня «собакой» и «коровой». В этом году он пока что ни разу не отважился оскорбить меня. Вот какова сила привлекательности, поняла я: больше не нужно постоянно бояться глупых оскорблений. Айзек умом не блистал, что, кажется, беспокоило Кэндис – хотя ее тоже не торопились приглашать в Национальное Общество Почета[2 - Организация, созданная для объединения самых талантливых и успешных в учебе школьников (Прим. редактора).].

– Ну, нужно понять, что будут делать вот эти две чудилы, – сказала Оливия, кивая на меня и Вайолет.

Мы с Вайолет обменялись быстрыми неприязненными взглядами с разных концов бассейна. У нас обеих не было парней или намеченных партнеров для бала. Так как моя привлекательность была им внове – парни, знакомые со мной с детсадовских времен, не знали пока, что с этим делать. Для них я все еще оставалась МакКенной Брейди, умной девочкой, которая нравится родителям и учителям. Девочкой с очками и брекетами, с которой кое-что случилось в третьем классе. И, хотя я чувствовала взгляды парней в школьных коридорах, я никак не могла понять – хватит ли кому-то из них храбрости первым признать, что я изменилась, и позвать меня на свидание.

Можно было взять все в свои руки и пригласить Дэна Маршалла, дружелюбного одиннадцатиклассника, чей шкафчик находился рядом с моим. Или Пола Фримана, который предложил мне свой конспект по алгебре после того, как я проболела неделю в конце десятого класса. Но приглашение на бал кого-то из них стало бы окончательным признанием поражения.

Появление Вайолет заинтриговало всю старшую школу. Люди нередко уезжали из города, как, например, Эмили, и исчезали из мира Уиллоу навсегда, несмотря на искренние обещания писать письма и посылать электронные сообщения. Однако среди учеников редко появлялся кто-то новый. Уиллоу уже лет десять не был городом, привлекающим новых жителей. Он располагался слишком далеко от Грин-Бей – так что родителям, работающим там, пришлось бы целый час ехать из дома на работу.

В восьмидесятых и девяностых тут процветал туризм для любителей природы, которые хотели увидеть побольше осенних листьев и вдохнуть чистого воздуха – чего не мог предложить Висконсин Деллс к югу от нас или округ Дор к востоку.

Других причин приезжать в Уиллоу не было.

Большие корпорации не могли предложить поблизости хорошо оплачиваемую работу. Здесь не было крупной научно-исследовательской лаборатории, способной привлечь ученых высокого уровня. Пляж вдоль озера Виннебаго был скалистым и окруженным лесами – ничего похожего на белые песчаные пляжи Тампы возле дома моего папы. Наверное, можно было бы назвать Уиллоу приличным местом проживания, если ты – обитатель Висконсина и тебе нравится плавать на лодке.

Сам факт, что Вайолет была новенькой в городе, сразу же сделал ее знаменитостью старшей школы, а красота еще более усиливала интерес к ней. У Вайолет было личико в форме сердечка и широко расставленные ясные голубые глаза, которые казались пронзительно-яркими из-за контраста с очень темными волосами, обрамляющими лицо.

Ее кожа была фарфорово-белой – и это в городе, где в сентябре все девочки старательно демонстрировали свои достижения в плане загара, нарушая границы дресс-кода старшей школы короткими шортами и майками, стараясь выставить напоказ как можно больше загорелого тела. Даже через две недели после начала школьных занятий все мы плохо знали Вайолет. Она была скрытной и не принимала участия в общей болтовне – скорее всего, потому, что еще не была ни с кем из школы достаточно знакома, чтобы присоединиться к этому делу. Вайолет любила накручивать волосы на пальцы, слегка покусывая губы, и часто полностью уходила в собственные мысли за обедом, не принимая участия в разговорах, пока кто-нибудь не называл ее по имени. Все в ней было каким-то девически-романтичным – вплоть до крохотного старинного медальона на шее.

То, что она была новенькой, означало, что парни к ней не подходили – так же, как и ко мне.

– Тебе нужно позвать Джейсона, – сказала мне Миша, переплыв бассейн под водой и вынырнув рядом со мной. – Он сказал Мэтту, что ты симпатичная. Он точно согласится.

Осенний бал и абсолютно все, связанное с ним, приводили меня в ужас. Я никогда раньше не танцевала на публике – разве что на свадьбе моей кузины.

Давящая необходимость найти партнера (иначе придется идти одной) была мне в новинку. Было неясно, чем для меня обернется отсутствие кавалера на балу, если никто так и не пригласит меня. Презрением Оливии? Исключением из престижной компании? Не угадаешь. В груди нарастало отчаяние: наступит вечер танцев, а у меня все еще не будет пары. В шкафу грустно висело лавандовое коктейльное платье. Я так и не надену его на танцы в следующую субботу – хотя тем вечером в бассейне Оливии я этого знать не могла.

– Если он думает, что я симпатичная, почему сам меня не пригласит? Мне не нравится, что приглашать должна я, – пробормотала я в ответ.

– Да ладно тебе, МакКенна! Сейчас же не Средние века. Тебе можно пригласить парня на танец, – пожурела меня Кэндис. – Тебе даже не нужно спрашивать напрямую. Просто постой возле его шкафчика и спроси, собирается ли он на танцы и пригласил ли уже кого-нибудь. Он все поймет. Парням частенько нужно подсказывать правильное направление.

– Это не очень романтично, – заметила я. Почему моя жизнь не могла быть такой, как у Оливии и Кэндис, к которым парни подходят сами? Страх получить оскорбительный отказ им неизвестен.

– А что насчет Трея Эмори для Вайолет? – предложила Миша. Оливия взвизгнула.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, а живот свело от страха. Трей Эмори учился в двенадцатом классе и, можно сказать, был словно бы с другой планеты. Он не играл в спортивных командах, не ходил на футбольные матчи и в целом держался подальше от остальных – если не считать периодических прогулок с парнями-скейтбордистами, которые часто пропускали уроки, чтобы покурить возле служебного входа в школьную столовую. Он буквально излучал опасность и загадочность – а еще у него была настоящая татуировка. Учителя его не любили. И, хотя большую часть своей школьной жизни он проучился в классе коррекции, Трей выиграл соревнование старших школ штата по проектированию мостов и интересовался продвинутой физикой.

И так получилось, что он жил рядом со мной.

Вряд ли мои новые друзья знали, где живет семья Эмори, или что иногда мы с Треем обмениваемся ритуальным взмахом руки, если, закрывая жалюзи на ночь,

замечаем друга друга в окнах.

Однажды, ближе к концу десятого класса, когда я все еще была той прежней непопулярной МакКенной, мы одновременно вышли из дома в очень дождливое утро. Он даже не спросил, нужно ли меня подвезти. Просто помахал ключами и подождал на подъездной дорожке с включенным двигателем, пока я набиралась храбрости, чтобы пробежать сквозь стену дождя и забраться на пассажирское сиденье его старой побитой «Тойоты Королла». Когда мы проехали подъездную дорожку, я неловко поблагодарила его; всю остальную дорогу до школы мы ехали молча.

- О боже, точно! - согласилась Кэндис. - Он фрик, но симпатичный фрик.

- Кто такой Трей Эмори? - с невинным видом спросила Вайолет.

- Ты знаешь кто, - поддела ее Оливия. - Это тот сексуального вида двенадцатиклассник с темными волосами. Он еще постоянно носит зеленую армейскую куртку.

- Тот парень? Он пугает меня, - возразила Вайолет, откидываясь и позволяя волосам намокнуть.

Мы с Треем были в каком-то смысле друзьями, но я не посмела встать на его защиту. Меня мучило подозрение, что наше знакомство не будет благосклонно воспринято.

- Ну да, и что? Мне очень интересно, что там под армейской курткой, - продолжила Кэндис. Она была воистину неисправима.

Вайолет вскинула одну из своих стройных лилейных ног, потревожив поверхность воды и образовав вокруг себя расходящиеся в нашу сторону круги.

- Что бы у него там ни было - я не хочу, чтобы оно шло со мной на танцы.

Меня несколько взволновало то, что Миша предложила Трея в качестве потенциального бойфренда Вайолет, а не мне, - и почему-то почувствовала облегчение, когда та отмахнулась от этой идеи. Скорее всего, это было из-за

того, что я так давно его знаю и поэтому отношусь к нему немного собственнически – хотя он никогда не давал мне повода думать, будто я ему нравлюсь.

* * *

Пару часов спустя, съев принесенную Генри пиццу, а также поданный родителями Оливии торт-мороженое, сопроводив его дурацким групповым исполнением «С днем рождения», мы впятером в пижамах спустились в подвал Ричмондов.

Кэндис зевала, пока мы листали каталог «Нетфликс».

Сейчас было только около одиннадцати вечера, а мы уже обсудили последние сплетни, Осенний бал и песни, под которые мы могли бы копировать движения из музыкальных клипов. В предыдущие две пятницы в это время мы впятером вываливались из кинотеатров, хихикая и визжа после просмотра ужастиков.

– Как насчет «Кровавого урожая»? – предложила Миша, которая больше всех любила страшилки... Ей почему-то нравилось, когда ее пугают до смерти.

– Давай, – скомандовала Оливия из своего гнездышка на диване. Из-под полосатого шерстяного одеяла торчала ее загорелая нога. Теплый летний вечер превратился в прохладную осеннюю ночь, и мистер Ричмонд спустился вместе с нами после ужина, чтобы зажечь в камине огонь. Я сидела на полу возле дивана, держась как можно дальше от камина. Как всегда, меня не покидал страх огня.

– Мне нравится Райан Мартин, – прокомментировала Кэндис во время начальных кадров фильма, когда Райан Мартин, голливудская звезда, изображая вампира, вместе со своим верным кланом приехал в фермерское сообщество как раз в тот момент, когда город готовился к ежегодному карнавалу.

Кэндис потянулась к пакету мини-претцелей, подвинутому Мишей, и засунула в рот сразу несколько штук.

– Не могу представить, чтобы такой клевый парень, как Райан Мартин, когда-нибудь приехал в такой унылый городишко.

– Эй, ты! Пит такой же клевый, как и Райан Мартин, – возразила Оливия.

Кэндис драматично закатила глаза, глядя на подругу, сидящую на другом конце дивана.

– Ну да, конечно. Как скажешь.

Я нервно улыбнулась, не отваживаясь комментировать. На мой взгляд, Пит Николсон был таким же сексуальным, как и Райан Мартин, и таким же недоступным. Пит походил на олимпийского спринтера или кого-то в таком роде. Высокий, с идеальными чертами лица, он казался не на своем месте в нашем городке. Большинство парней Уиллоу телосложением напоминали коренастых футбольных полузащитников и готовились в будущем унаследовать загибающиеся фермы своих отцов.

Парень Миши – Мэтт – был милым, но таким же маленьким и компактным, как она. Он носил бейсбольные кепки задом наперед и частенько использовал рэперские жесты, хотя единственным, что хоть как-то связывало его с рэперами, была команда по рестлингу.

Айзек – «то-парень-то-нет» Кэндис – отличался квадратной челюстью и, наверное, считался бы симпатичным в любой американской школе, но было слишком легко себе представить рыхлого, опаленного солнцем фермера, которым он станет лет через десять. Многие мужчины в городе выглядели так, как однажды будет выглядеть Айзек: их лица преждевременно покрывались морщинами из-за долгих часов, проведенных за рулем трактора под палящим солнцем, а грязь под ногтями им не удавалось вычистить даже перед походом в приличный ресторан, где они иногда ужинали по воскресеньям.

Вайолет смотрела на свои сложенные на коленях руки. Она редко упоминала парней или участвовала в разговорах о парнях в течение двух недель после попадания в наш круг. Может быть, она считала, что единственным парнем, достойным ее внимания, в Уиллоу был Пит.

– А в твоём родном городе было больше симпатичных парней, чем здесь? – внезапно спросила я, понимая, что даже не помню название места, где Вайолет жила до этого.

– Конечно, – ответила она. – То есть не так уж много, но, поскольку в моей предыдущей школе было три тысячи учеников, то понимаете... это чистая математика: из полутора тысяч парней симпатичных больше, чем один или два.

Три тысячи учеников. В нашей старшей школе едва ли три сотни набиралось. В каждом классе было меньше восьмидесяти ребят, большая часть училась в двенадцатом и меньшая – в девятом.

– Тысяча пятьсот парней, – мечтательно повторила Кэндис. – Не могу даже представить столько парней под одной крышей.

– Напомни, откуда ты? – спросила Оливия у Вайолет.

– Лейк-Форест, – ответила та. – Рядом с Чикаго.

Я лишь раз побывала в Чикаго. Моя мама училась там в колледже задолго до встречи с папой; с ним они учились вместе в Университете Висконсин-Шебойган. Мама была выпускницей бакалавриата и проходила начальный курс естественных наук для получения магистерской степени по биологии – тогда она еще мечтала стать ветеринаром. Он же был уже профессором психиатрии, на десять лет ее старше, и ему уже тогда нравились девушки помоложе. Бедная мама слишком поздно поняла (когда сама уже перестала быть молоденькой), что его предпочтения не изменятся и в будущем.

Я внезапно почувствовала укол вины за то, что бросила маму одну дома вечером пятницы. Прежде чем ко мне пришла популярность, мы по пятницам смотрели все наши любимые британские ситкомы до тех пор, пока лицо не начинало болеть от смеха. Скорее всего, она рада, что у нее появилось время на себя, но я все равно чувствовала себя неловко. Мне было немного жаль себя – единственную девушку в этом подвале, которая чувствовала, как на нее давит груз маминого одиночества.

– Боже, – пробормотала Оливия, – не могу дождаться, когда вырвусь из этого места и смогу жить в настоящем городе.

Мы все быстро потеряли интерес к фильму, и никто особенно не переживал за жителей терроризируемого вампирами города: всем просто хотелось, чтобы Райан Мартин почаще появлялся на экране. Меня стало клонить в сон, но я

слишком хорошо знала, что происходит с первой заснувшей на пижамной вечеринке девушкой. Так что я встала, потянулась и сказала, что мне нужно вверх в туалет.

- Мне тоже, - объявила Кэндис и последовала за мной по лестнице на кухню.

- Одна из вас может воспользоваться ванной на втором этаже, - крикнула нам вслед Оливия.

Мы добрались до вершины лестницы, когда я неожиданно почувствовала себя странно - словно вор. Сверху доносились звуки телевизора. Миссис Ричмонд уже убрала торт-мороженое, и на кухне было тихо, не считая жужжания холодильника из нержавеющей стали.

- Комната Оливии направо после лестницы, - сказала мне Кэндис, заходя в туалет при кухне и включая там свет.

Я приблизительно помнила схему дома Ричмондов еще по тем временам, когда играла здесь в детстве. Направляясь по коридору к передней части дома, откуда можно было подняться на второй этаж, я остановилась и выглянула через окна на подъездную дорожку. Похоже, рядом с пикапом Генри была припаркована красная «Тойота». На ней был большой розовый бант. Я тут же отвернулась, чувствуя себя виноватой, что заметила большой подарок на день рождения Оливии до нее самой.

По пути вверх я услышала, как открылась дверь на втором этаже и в коридоре послышались звуки музыки. Внезапно на вершине лестницы появился улыбающийся Генри. Мы столкнулись на ступеньках. Он нес в левой руке пластиковый стаканчик и, очевидно, направлялся на кухню за новой порцией напитка.

- Привет, - сказал он.

- Привет, - ответила я в панике, понимая, что на мне очень-очень короткие красные шорты и открытая майка в качестве пижамы. Утром, готовясь к вечеринке и запихивая одежду в рюкзак, я не предполагала красоваться в таком наряде перед парнем.

- Не нужно так переживать из-за Осеннего бала, - заметил он.

- Что ты имеешь в виду? - спросила я, тут же краснея и надеясь, что он не подслушал наш разговор в бассейне.

- Это просто дурацкие танцы, - ответил он, пристально глядя мне в глаза. - Просто кучка идиотов хлопает в такт плохой музыке. Конец мира не настанет, если ты туда не пойдешь.

- Ну, это приятно слышать, потому что я и в самом деле вряд ли пойду, - сказала я и тут же поняла, насколько эти слова правдивы.

- На самом деле ты могла бы пойти, - возразил Генри, изучая мое лицо. - То есть, возможно, я буду в городе в следующие выходные из-за последней встречи с врачом. Было бы весело еще раз оказаться в школьном спортзале. А еще здорово было бы пошпионить за моей сестрой и испортить ей важную романтическую ночь. Если, конечно, отсутствие партнера - единственная причина, по которой ты не хотела идти.

Мое сердце заколотилось. Кажется, под его взглядом я уже начинала потеть.

- Ты что... приглашаешь меня на танцы? - смущенно улыбнулась я, отчаянно надеясь, что правильно его поняла. Если это не так и Генри все расскажет Оливии, я умру от стыда.

- Думаю, да, - сказал Генри. - То есть если так можно. Раз я технически больше не ученик Уиллоу, это ты должна пригласить меня.

- А, конечно, - ответила я, с трудом веря, что это на самом деле происходит. Что Генри Ричмонд на самом деле пригласил меня. - Но Оливия может разозлиться. Знаешь, ты ведь будешь рядом и сможешь испортить, как ты сказал, ее важную ночь.

Генри улыбнулся широкой улыбкой.

- Да ладно тебе, МакКенна. Она переживет это. Будет весело. Я неплохо знаю свою сестру и думаю, она предпочтет, чтобы ты была на балу со мной, чем

вообще бы не пошла. Так что скажешь?

– Да, хорошо. Это было бы замечательно, – я не могла не улыбнуться так же широко, и у меня заболели щеки. – Можешь взять мой номер у Оливии, чтобы, ну, составить планы.

По пути в ванную я танцевала в темной спальне Оливии, стараясь не наступить на разбросанную по полу одежду и обувь. Возможно, это был самый счастливый момент моей подростковой жизни – парень из колледжа пригласил меня на Осенний бал, и он был намного симпатичнее всех, кто учился в старшей школе Уиллоу. Я улыбнулась собственному отражению в зеркале над раковиной Оливии. Кожа на носу немного облезла после загара, а волосы стали волнистыми после того, как я их высушила, быстро помывшись после бассейна перед ужином. Нужно будет в миллионный раз поблагодарить Ронду за то, что приготовила мне столько салатов за лето и потащила на пилатес.

Вымыв руки, я задумалась, пойдет ли на танцы Трей Эмори. Сама эта мысль казалась нелепой, так что я закатила глаза, все еще стоя перед зеркалом. Трей вряд ли наденет полиэстровый костюм, чтобы появиться в школьном спортзале. Да и танцевать, хлопая и притопывая под красно-черными флажками, он не станет. Такие парни, как он, не интересуются танцами, и потому предложение Миши Вайолет позвать его казалось нелепым. Этого никогда не будет. Но интересно, что он подумает, когда узнает, что я иду с Генри Ричмондом. Хотя, возможно, ему будет все равно.

Вернувшись в подвал, я увидела, что фильм уже заканчивался, а Кэндис выключает лампы по обеим сторонам дивана, чтобы сделать атмосферу более подходящей для историй о привидениях.

– Ты первая, Миша, – настаивала Оливия. – Миша рассказывает лучшие истории о привидениях, – сообщила она Вайолет.

Глаза Миши загорелись энтузиазмом.

– Ладно... Как насчет Кровавой Хизер?

– О нет, – застонала Кэндис. – Ты всегда ее рассказываешь. Я уже слышала ее миллион раз.

– Да, но Вайолет-то не слышала, – сказала Оливия.

Я примерно понимала, о чем они говорят, но подробно ничего не помнила. Истории о привидениях – то, что дети, у которых есть старшие братья и сестры, слышат раньше остальных. Важная информация о свиданиях тоже относилась к таким вещам. У меня не было старших брата или сестры, а моя кузина Криста уехала из Уиллоу с тетей Джо-Анной и дядей Марти, когда я была в седьмом классе.

– Ладно-ладно, – согласилась Кэндис. – Но пусть это будет сокращенная версия. Полный рассказ займет всю ночь.

Я была не в настроении слушать историю о привидениях. Меня не покидало возбуждение после разговора с Генри на лестнице, и я едва могла усидеть на месте. Снова подумалось, что, несмотря на слова Генри, Оливия разозлится, если он придет на бал со мной. Миша, возможно, тоже – если ее старшая сестра решит, что я пытаюсь задвинуть бывшую девушку Генри на задний план. Один поход наверх в ванную слишком усложнил мне жизнь – изначальный восторг прошел.

Миша, торжественно понизив голос до тихого шепота, начала взволнованно рассказывать историю.

– Часть тридцать второго шоссе проходит через кладбище Святого Августина. Это рядом с аэропортом. Моя семья раньше проезжала его каждое лето по пути в наш летний домик у озера Верхнее...

– А что стало с летним домиком? Нам обязательно нужно поехать туда на рождественские каникулы, – прервала ее Кэндис.

– Теперь там живет мой дядя Роджер. Хватит прерывать, – возмутилась Миша. – Так вот. За пару миль до кладбища находится маленький бар, который называется «У Свена». Это просто маленький обветшалый спортивный бар. Ну, вы такие знаете, со светящимися кружками пива в окнах. Так вот, босс моей мамы отправляется туда как-то прошлой зимой после работы, чтобы посмотреть игру «Пэкерс». Он заказывает пару стаканов пива. Ему, наверное, не стоило бы в таком виде садиться за руль, но он решил, что все нормально, потому что не

чувствует себя пьяным. Посетители бара в это время обсуждают надвигающуюся метель. На дворе декабрь, и уже темно. Дороги пустовали из-за прогноза погоды, а вокруг там – одни только фермы.

Мы все внимательно слушали, наклонившись вперед, чтобы не пропустить ни одного слова. Телевизор все еще работал, но музыкальные клипы крутились без звука.

– И вот он едет по дороге, а вокруг падает снег. Сначала всего пара крошечных снежинок, различимых в свете фар, но потом снегопад усилился. Босс моей мамы так занят был наблюдением за снегом, что с трудом заметил девочку, идущую вдоль шоссе. Со спины она кажется юной – ну, знаете, нашего возраста. В одной руке несет туфли. Он гадает, не мерещится ли ему. Снегопад все усиливается, а на девушке нет даже пальто, потому он решает, что она попала в неприятности и ее нужно подвезти домой. Он опускает окно и спрашивает, нужна ли ей помощь.

Девушка садится на заднее сиденье машины и спихивает все его флаеры на другую сторону. Мама работает агентом по торговле недвижимостью, – пояснила Миша для Вайолет, не осознавая, что и я никогда раньше не слышала этой истории и не откажусь от пояснений. – Так вот, в машине ее босса на заднем сиденье много флаеров про продаваемые дома. В итоге он спрашивает, почему девушка бродит на улице в метель, и смотрит на нее в зеркало. Он сказал, что она была красива и совсем не дрожала, хотя одета была только в свитер. К ее ресницам прилипли снежинки, но она словно и не замечала этого.

На губах Миши начала появляться тень улыбки. Могу поклясться, она наслаждалась нашим напряжением – тем, как мы вслушивались в каждое слово. Миша начала перескакивать с настоящего времени на прошлое, спеша поскорее поделиться всей историей, рассказывая ее так, словно произошла она всего пару дней назад.

– Он спросил девушку, куда ее отвезти, и она дала ему адрес какой-то улицы и пояснила, как туда доехать. Он остановился перед домом с соответствующим адресом, а потом посмотрел в зеркало. У него чуть не случился сердечный приступ. Потому что теперь ее лицо было окровавлено. Словно кровь шла отовсюду: из носа, глаз и даже рта...

- Фу! - вскрикнула Оливия, хотя уже слышала историю Миши раньше.

Та продолжила:

- Он дернул руль, и машина съехала в кювет. А когда повернулся посмотреть, в порядке ли девушка, ее уже не было. Он вышел из машины: вдруг каким-то образом она выпрыгнула из салона? Но ее нигде не было. Словно она вообще никогда не существовала. - Миша замолчала для драматизма, ее глаза горели. - Только вот флаеры на заднем сиденье были покрыты кровью.

- Вау, - торжественно произнесла Вайолет, будто верила каждому слову.

- Мамин босс вытащил машину из кювета, отправился в город в метель и пошел сразу в полицейский участок.

- Это лучшая часть, - сообщила нам Кэндис.

- Итак, он ввалился в полицейский участок с колотящимся сердцем и весь в поту - боялся, что снова глянет в зеркало заднего вида и увидит ее, истекающую кровью в его машине. Он подбежал к копу за стойкой регистрации и начал: «Сомной приключилось безумие. Я увидел девушку, идущую вдоль дороги. Спросил, нужно ли ее подвезти», а полицейский просто посмотрел на него и спросил: «А потом вы посмотрели в зеркало заднего вида и она исчезла?»

Мне стало зябко. История была глупой, но Мише отлично удавалось сделать ее страшной.

- А мамин босс говорит: «Да! Откуда вы узнали?» Разве не жуть? А полицейский такой: «Каждую зиму приходят люди и рассказывают ту же самую историю». Оказывается, сорок лет назад одну девушку сбила машина в метель, когда она возвращалась домой из бара «У Свена». Преступник просто бросил ее умирать на дороге в снегопад. Согласно легенде о Кровавой Хизер, призрак девушки является только тем, кто уезжает из «У Свена» и едет домой мимо кладбища в метель. Ее видят только мужчины.

- Отличная работа, - похвалила Оливия Мишу. - А как насчет истории о шести белых лошадях?

– Боже, нет! – запротестовала Кэндис. – Она слиииишком длинная.

Вайолет села прямо на полу и сложила руки на коленях. Спокойно, тихим голосом и вскинув одну бровь, она спросила:

– А как насчет «Легкий как перышко, твердый как доска»? Вы когда-то в это играли?

Оливия закатила глаза.

– Ох, последний раз в средней школе.

– Мне она не нравится. – Кэндис покачала головой. – Не хочется связываться с духами. Слишком страшно.

– Это не духи, – встряла я. – Это групповой гипноз. Моя папа писал об этом. Вот почему это срабатывает лучше с детьми, чем со взрослыми. Повтор строк гипнотизирует всех участников игры. – По правилам один участник придумывал сложную историю о смерти другого участника, который лежал расплостертый на полу. Все остальные игроки становились на колени вокруг лежащего, подсунув кончики пальцев под его тело. В конце истории – как правило, необычайно кровавого или такого глупого, что раздавалось хихиканье, – все кроме «жертвы» должны были пропеть: «Легкий как перышко, твердый как доска» и поднять лежащего к потолку, используя лишь легкое давление кончиков пальцев. Я так и не смогла понять, как это работает, потому что в детстве, когда несколько раз играла в это и гипноз удавался, тело легко поднималось над головами. Неизбежно состояние гипноза прерывалось одним из игроков, который своим хихиканьем портил эффект, так что тело поднятой в воздух «жертвы» падало на пол.

– Я в это вообще не верю, – сказала Кэндис, заставив меня почувствовать себя идиоткой, что вообще заговорила. Что-то странное происходит во время этой игры. Когда все получается, страшно аж до жути.

Вайолет улыбнулась и пожала плечами.

– Я просто предложила.

– Давайте сыграем! – настояла Миша, стащив подушку с дивана. – Я хочу быть первой рассказчицей.

Тут телефон Оливии звякнул: пришло сообщение.

– Это Пит, – объявила она. – Уже полночь, он хотел первым поздравить меня. Разве это не мило?

Мы все согласились, что это мило. Миша решила сделать Оливию первой героиней нашей игры. Меня мучили сомнения по поводу участия, хотя умом я понимала, что папины слова – правда. В этой игре нет ничего оккультного или мистического. Но придумывать истории о смертях казалось неправильным. Смерть уже посещала мой дом, и мне не хотелось искушать ее, даже ради всего лишь игры.

Оливия легла на спину, положив голову на подушку на коленях у Миши. Я опустилась справа от Оливии, лицом к Вайолет, севшей слева. Кэндис встала на колени у ног Оливии и пощекотала их, так что та начала брыкаться и извиваться, а Миша тем временем начала свой рассказ. Оливия случайно выбросила ногу слишком высоко и заехала Кэндис в подбородок.

– Ой! – вскрикнула Кэндис.

– Не щекотаться! – потребовала Оливия.

– А ну, все замолчите! – властно приказала Миша. – Чтобы все сработало, все должны быть серьезны! Правда.

Мы все понемногу успокоились. Миша подождала, пока потрескивание огня не стало единственным звуком в подвале. Вдалеке слышался шум ток-шоу, которое родители Оливии смотрели двумя этажами выше, – до нас доносились приглушенные аплодисменты его зрителей. Миша положила кончики пальцев на виски Оливии и сосредоточилось на необычном описании ее будущей смерти, как и следовало по правилам игры.

– Это была ночь перед Осенним балом, – начала Миша жутким голосом.

– Только не ночь перед танцами, – расстроилась Оливия. – Можно мне умереть в ночь после танцев, чтобы мне удалось пошалить с Питом в последний раз перед смертью?

Кэндис усмехнулась:

– Ты уже и так достаточно пошалила с Питом.

Мы с Вайолет покраснели. Ни одной из нас пока не рассказали все детали того, как именно «пошалили» Оливия с Питом. Мы были одиннадцатиклассницами, так что, естественно, нам было любопытно, кто из нас уже дошел до кульминации отношений. Я едва прошла даже хоть какую-то часть пути, не считая парочки весьма сдержанных поцелуев, которыми я обменивалась с парнем по имени Роб, живущим в том же доме, что и папа с Рондой. Я ничего не знала об отношениях Вайолет с парнями – но, кажется, ей было так же неловко, как и мне.

– Тихо! – приказала Миша. – Я рассказчица, и мне решать! Ладно, хорошо. Это была ночь после Осеннего бала. Родители Оливии Ричмонд посадили ее под домашний арест за то, что она задержалась на танцах, невинно заснув с Питом в большом поле за школьным стадионом. Как бы Оливия ни настаивала, что ее вина только в том, что ей хотелось спать, – ей не верили. Родители знали, что их дочь и ее парень давно «озабочены» и не смогли бы воздержаться от нескромных объятий.

– Ты отвратительна, – заметила Оливия, не открывая глаз.

– Проблема в домашнем аресте, – продолжила Миша, – состояла в том, что Пит пообещал показать Оливии что-то очень особенное в ту ночь, ночь после танцев. Поэтому Оливия подождала, пока родители уснут, и решила тайно покинуть дом, чтобы встретиться с ним у озера Шавано.

Кэндис издала многозначительный звук «ооо», заработав себе сердитый взгляд Миши.

– Она вылезла из постели и переодела синюю атласную пижаму на узкие джинсы и просто потрясающий кашемировый свитер, который ее лучшая подруга Миша подарила ей на шестнадцатый день рождения.

– Хорошо придумано, – прошептала Кэндис слева от меня.

– Она подняла окно спальни на втором этаже и вылезла наружу. Но ткань ее узких джинсов зацепилась за ржавый гвоздь в оконной раме. Она с силой дернула ногу, пытаясь вырваться, но выпустила из рук сточную трубу и упала вперед. Ее штаны порвались, и она свалилась на землю, при падении сломав шею. Однако сразу она не умерла. Она сделала свой последний мучительный вдох, когда солнце поднялось над горизонтом.

Два дня спустя в похоронном доме, к ужасу ее друзей и любимых, тело Оливии лежало в гробу легкое как перышко, твердое как доска!

– Легкое как перышко, твердое как доска, – пропели все мы одновременно, а наши пальцы мягко толкнули тело Оливии вверх.

– Не работает, – заметила Кэндис после пяти повторов фразы.

– Я ничего не чувствую, – объявила Оливия, открывая глаза, и села.

– Можно я попробую? – спросила Вайолет, глядя прямо на Мишу.

– Конечно, – сказала Миша и передала ей подушку, лежавшую на коленях.

Когда Вайолет поменялась местами с Мишей, в ее поведении что-то изменилось. Впервые с нашей встречи она словно полностью проснулась, а не грезилась наяву. И впервые той ночью мне показалось, что Вайолет действительно рада приглашению на вечеринку.

Глава 2

– У Оливии Ричмонд было все, чего могла пожелать себе девушка. Красивый дом, идеальные прямые светлые волосы, привлекательный парень и близкий круг друзей. Она начала свой одиннадцатый класс в старшей школе, имея все возможности этого мира. Она только что получила совершенно новенький красный «Приус» на шестнадцатилетие, и все в старшей школе Уиллоу знали,

что той осенью ее назовут Королевой бала.

Я не отваживалась поднять взгляд на Вайолет, но упоминание нового красного «Приуса» привлекло мое внимание. Откуда она знала, что в этот самый момент на подъездной дорожке Ричмондов стоит красная «Тойота»? Догадалась?

Стиль повествования Вайолет заметно отличался от манеры рассказывать Миши. Она не пыталась говорить пугающим голосом, а вела повествование ровно, уверенно и торжественно, словно это все было правдой. Вайолет говорила, а время будто замедлило ход. Я слышала, как напольные часы Ричмондов стучат на верхнем этаже, слышала, как тихо сглатывает Кэндис в двух футах от меня. Дыхание Оливии стало ритмичным, но неглубоким, а ресницы трепетали так, словно она спала. Медальон Вайолет отражал свет пламени камина и отбрасывал блики на стены подвала.

– В вечер перед Осенним балом, когда футбольная команда старшей школы Уиллоу собиралась обыграть команду Кеноши на другом конце штата, Оливия составляла план большого свидания с Питом. Она уже нашла идеальное платье сливочного цвета, новые сережки, которые будут красиво свисать с ее ушей, едва касаясь загорелых плеч. Но ей все еще не хватало идеальной пары туфель под платье, а времени почти не оставалось. Она объявила своим подругам в пятницу после школы, что поедет в торговый центр в Грин-Бей, чтобы найти их. Прошерстив весь молл и в конце концов вынужденная удовольствоваться не совсем идеальной парой, Оливия обнаружила, что ее новенькая машина, подарок на день рождения, не хочет заводиться. Она раз за разом пыталась запустить двигатель, но ничего не получалось.

Тяжелые грозовые тучи затянули небо. Одноклассник Оливии, узнавший машину на парковке, предложил подвезти ее. Она согласилась. Они отправились в долгий путь в их маленький городок по лесистому загородному шоссе. Голова Оливии была заполнена мыслями о предстоящем бале и возникших трудностях из-за необходимости завтра утром вывозить машину с парковки молла. Капельки дождя превратились в град. Прежде чем Оливия и ее одноклассник поняли, что происходит, в них врезался несущийся навстречу грузовик, водитель которого не увидел их из-за поворота. Ребра Оливии были раздроблены, внутренности лежали на переднем сиденье разбитой машины. Правую руку отрезало – после града ее нашли в двадцати футах от места аварии. Обе ноги придавило приборной панелью, так что Оливия оказалась прижата к сиденью и не смогла бы спастись, даже если бы осталась в сознании и попыталась бы выползти из

машины. Когда водитель грузовика смог наконец остановить его и бросился к автомобилю узнать, выжили ли пассажиры, ему пришлось отвернуться – Оливию практически обезглавило. Голова болталась на плечах, держась на паре мышц и кусочках кожи – ее просто срезало с позвоночника.

Через три дня, когда потрясенная семья и горюющий город Уиллоу собрались на похороны Оливии, ее тело лежало в гробу, легкое как перышко, твердое как доска.

Я была так поражена кровавыми деталями и спокойствием, с которым Вайолет оборвала жизнь Оливии словами, что даже не думала о том, сработает ли гипноз. Комната наполнилась странным статическим электричеством. Краем глаза я увидела, что огонь в камине стал выше и ярче, чем раньше. Всего час назад, когда я ходила в туалет, дрова уже потухали и мерцали изнутри красноватым огнем. Это так смутило меня, что я промолчала, когда подруги начали повторять за Вайолет «Легкое как перышко, твердое как доска». И я по-настоящему испугалась, когда все же присоединилась к ним, а неподвижное тело Оливии поднялось, словно невесомое. Меня охватило неприятное чувство, будто кто-то или что-то тайно за нами наблюдает.

– Легкое как перышко, твердое как доска, – торжественно повторяли мы, очень медленно, дюйм за дюймом, поднимая тело Оливии кончиками пальцев. Тут я осознала, что очень хочу, чтобы трюк не удался.

«Это всего лишь игра», – напомнила я самой себе.

Мы встали с колен, когда Оливия поднялась на уровень наших глаз. Мы продолжили поднимать ее до уровня плеч. Ее руки были скрещены на груди, серебристые светлые волосы свисали к земле.

– О господи...

* * *

Именно Кэндис разрушила заклятие. Мы все резко вернулись в реальность, и прежде, чем мы вообще успели почувствовать вес тела Оливии на наших руках, она свалилась на землю с громким стуком и теперь добродушно потирала зад.

Меня накрыло облегчение.

– Спасибо, девочки! – с сарказмом заметила она, совсем не пострадав после падения на ковер.

Мы все и раньше играли в эту глупую игру – когда были помладше и сами проходили через это, – но все, кроме меня, были довольны этим маленьким успехом. Казалось, Вайолет так умело заколдовала нас, целиком и полностью, что мы даже не прикладывали усилий, чтобы слова возымели действие.

– Это было поразительно! – воскликнула Миша. Ее лицо озаряла улыбка.

В отличие от моих восторженных подруг, я переживала из-за того, что только что произошло: из-за удивительно реалистичных подробностей, рассказанных Вайолет, и легкости, с которой мы подняли Оливию с пола. Что-то в подвале, а точнее, что-то в Вайолет изменилось. Ее жуткий рассказ был таким реалистичным, словно она вспоминала настоящее событие, а не придумывала его на ходу.

Это было похоже на то, как, наконец, понимаешь, что в пальце заноза: она не причиняет особой боли, но и забыть про себя не дает.

С первого дня Вайолет в школе она мне казалась сдержанной, даже скромной. Однако, выступая в роли рассказчицы, Вайолетт показала, что при определенных обстоятельствах она может стать центром внимания. Не исключено, что она притворялась интровертом в первое время общения с нами, и ей нужно было время, чтобы расслабиться в присутствии малознакомых людей. Я могла это понять – сама стеснялась незнакомцев, – но это не объясняло, откуда Вайолет узнала о «Приусе» на подъездной дорожке. Я не могла расспрашивать ее при Оливии – испортила бы сюрприз, – но играть мне больше не хотелось.

– А кем был водитель? – спросила Оливия. – Я бы с кем попало не поехала из Грин-Бей.

– И ты пропустила деталь: где именно Оливия купила платье мечты? – поддразнила Миша Вайолет.

– Точно. Хорошо бы узнать, где найти это платье, – согласилась Оливия.

Вайолет покраснела, ее алебастровая кожа стала темно-розовой.

– Простите, я не предсказываю будущее, – она глянула прямо на меня и добавила: – Просто придумываю историю.

– Можно, я следующая! – настояла Кэндис, плюхнувшись на колени.

Мы снова сели в наш маленький круг. Подружки жаждали увидеть, сможет ли Вайолет проверить трюк во второй раз. Предупреждающий голос в голове настаивал: «Не делай этого снова. Только не с другим человеком». Однако я боялась, что мое нежелание участвовать рассердит остальных. С самой начальной школы мне хотелось вернуться в круг друзей Оливии. Я не собиралась все испортить, из-за нелепой игры показав себя боязливой, как малолетка.

– Ладно, всем нужно успокоиться и сосредоточиться, иначе ничего не сработает, – напомнила нам Вайолет и поправила голову Кэндис на подушке, лежащей на полу перед ее коленями.

Она постучала кончиками пальцев по вискам Кэндис и уставилась на потолок, погружившись в мысли.

– Кэндис Коттон. Что же нам делать с Кэндис Коттон?

Как только в ее голове сформировалась история, выражение лица Вайолет поменялось. Ее взгляд стал увереннее, и она посмотрела на Кэндис, которая, как и следовало, закрыла глаза и скрестила руки на груди – как и Оливия до нее. Имениница же заняла место у ног Кэндис и, повернув руки ладонями вверх, положила два пальца ей под пятки. Та сделала глубокий вдох, готовясь к ужасной истории Вайолет. Ее грудь поднималась на вдохе и опускалась на выдохе.

– Это случилось в октябре. Семья Кэндис была далеко от Уиллоу, неожиданно отправившись в путешествие. Кэндис радовалась возможности показать новый бикини на пляже и впервые в жизни поплавать в океане. В тот день волны были слабыми, поэтому она отказалась от предложения родителей поучиться

кататься на серфинге и пошла одна к воде. Сначала Кэндис держалась берега, не уходила слишком далеко от того места, где ее братья строили замки из песка. Вода была теплой и соблазнительной, совсем не такой холодной, как она думала. Кэндис пошла дальше, погрузившись по бедра, и оставалась на месте, пока не почувствовала себя достаточно уверенной, чтобы справиться с сильным течением.

После ее исчезновения братья рассказали родителям, что Кэндис ушла глубже в воду, прямо к волнам, словно у нее была некая миссия. Без страха, как будто бросала вызов океану: приди и возьми меня. Они сказали, что ее накрыла волна, и океан просто поглотил ее целиком, окутав волной и унеся прочь. Тело Кэндис выбросило на берег три дня спустя, в двух милях от того места, где она зашла в воду. В ее волосах запутались вонючие водоросли, а рыбы съели ее глаза и губы.

Я почувствовала, как Кэндис дернулась под моими пальцами, услышав такое ужасное описание своего трупа.

– Когда ее убитые горем родители опознали ее разлагающееся тело в кабинете судмедэксперта, вонь была уже невыносимой. Тело лежало на металлическом столе для аутопсии... легкое, как перышко, твердое как доска.

– Легкое, как перышко, твердое как доска, – повторили мы.

Невероятно, но тело Кэндис, которая была тяжелее и крупнее Оливии, поднялось в воздух так же легко, как и тело ее предшественницы. Приподнимая ее, я не смела смотреть на других девушек из-за страха разрушить их восторг, хотя мое сердце колотилось от ужаса. Мы подняли Кэндис на два фута над землей, когда вдруг она вздрогнула и упала.

– О боже мой, это безумие! – завизжала она, прижимая руки к щекам. Ее глаза светились и слезились от возбуждения. – Я и правда чувствовала, как вы меня поднимаете!

Подруги кипели энтузиазмом, взбудораженные нашим успехом. Я молчала и улыбалась, словно мне весело, но на самом деле молилась, чтобы кто-то достал «Твистер» или предложил заняться чем-то другим – чем угодно. Вайолет стала героиней вечеринки. Тепло, которое я почувствовала после встречи с Генри, полностью испарилось. Конечности похолодели от страха – такое же чувство

охватывало меня при просмотре фильмов ужасов. Я очень надеялась, что это ощущение скоро пройдет. Смутившись, я задумалась, одну ли меня пугают гротескные детали, которые Вайолет с такой легкостью вплетает в свои истории. Возможно, она некий социопат, а мы не замечали ее ментального расстройства все эти две недели, отвлекшись на большие невинные голубые глаза и длинные ресницы.

- У тебя так хорошо получается! - воскликнула Миша.

- Да, ничего так, - согласилась Вайолет.

Слова прозвучали так, словно она не пыталась казаться скромной, а просто не хотела, чтобы мы придавали ее таланту рассказчицы слишком большое значение.

- Я даже на пляже раньше не бывала, - сказала Кэндис, - только на озере Виннебаго, а это не считается. Но все было так по-настоящему! Я почти почувствовала соленый запах воды, пока ты рассказывала историю.

- Так весело! Я рада, что ты предложила эту игру, - в восторге заявила Оливия, а потом внезапно указала прямо на меня. - Пусть МакКенна будет следующей!

- Нет-нет, - возразила я, протестуя подняв руки. Я нехотя наблюдала, как другие выслушивали свои истории, но собственную узнать не стремилась. - Это слишком странно.

- Давай, МакКенна! - подначивала меня Кэндис. - Ты должна попробовать. Мы все участвуем.

«Только не Вайолет», - подумала я.

В конце концов пришлось лечь на пол, устроив голову на диванной подушке. Кончики пальцев Вайолет коснулись моих висков - холодное прикосновение к голове, такое легкое, что я едва его почувствовала.

- Оу, - сказала Вайолет, как только прикоснулась ко мне. Кажется, она удивилась. - Это будет тяжело. - Брови Кэндис, сидевшей у моих ног, тревожно

поползли вверх.

Миша и Оливия обменялись озабоченными понимающими взглядами.

– Почему? – спросила я, глядя на Вайолет.

– Обычно во время игры идея приходит, как только я кого-то касаюсь, – объяснила Вайолет. – Но с тобой все не так. Мне представляется лишь огонь, но это кажется неправильным. То есть я могу рассказать тебе историю о пожаре. Но не уверена, что это сработает.

Сердце яростно застучало, мне захотелось сесть и немедленно положить конец этой глупой игре. Я знала, что это нечестно: Вайолет новенькая в городе и не могла знать, какими зловещими были ее слова. Для меня вечеринка закончилась. Хотелось позвонить маме и попросить ее немедленно забрать меня, хотя было уже за полночь. Но я не могла. Мне было шестнадцать – уже не ребенок. Я даже не могла собраться с силами, чтобы сесть и освободить Вайолет от задачи рассказывать мою историю. Не хотелось, чтобы Кэндис, Миша и Оливия подумали, будто я трусиха.

– Не рассказывай о пожаре, – наконец произнесла Оливия с нежностью в голосе. Похоже, она знала, какой ужас это у меня вызовет. – Что угодно, кроме этого.

– Нет! Расскажи! – подначивала Миша. – Разве не жутко, если МакКенна умрет, как и...

– Хватит, Миша, – приказала Кэндис, заставляя подругу замолкнуть. – Это просто отстой.

Когда они сцепились взглядами, в подвале на мгновение повисла тишина. Миша не произнесла ни слова, но я почувствовала, как она отступила. Я подняла взгляд на Вайолет и вздрогнула. Она смотрела прямо на меня с таким лицом, что я сразу же поняла: Вайолет отлично понимает, почему мне не хочется слышать о своей смерти в огне. Она знала о Дженни, в этом не было сомнений, – и холодок пробрал меня до костей. Я отскочила от нее, забыв про переживания из-за популярности.

– Я больше не хочу играть, – объявила я дрожащим голосом.

– Все нормально, – заверила меня Кэндис. – Миша может попробовать.

– Ага, давайте я, – вызвалась Миша.

Она с готовностью растянулась на полу и положила голову на подушку. Я села у ее ног, желая оказаться как можно дальше от Вайолет. Я едва обратила внимание на рассказ о смерти Миши, что-то о том, как она подавилась и посинела.

Вместо этого я стала размышлять о Вайолет. Кто она такая на самом деле? Нормально ли иметь такой контроль над подобными играми, так спокойно гипнотизировать своих сверстников? Может, ее огромные голубые глаза замечали намного больше, чем мы думали с первого дня учебы? Знала ли она о наших жизнях больше, чем была готова признать?

Возможно, из-за желания Миши, чтобы игра сработала идеально, мы подняли ее выше остальных и едва дышали. Мы были возбуждены, поднимая хрупкое тело Миши к плечам, потом на уровень глаз, а затем и над головой.

Нашу сосредоточенность нарушило жужжание телефона Оливии на кофейном столике. К счастью для Миши, мы поймали ее прежде, чем она упала с пятифутовой высоты.

– Вау, подруга, ты так высоко поднялась, – сообщила Кэндис Мише, а Оливия бросилась на другой конец подвала за телефоном.

– Это Пит! – прошептал она всем нам. – Они с Джеффом Харрисоном...

Бум! Бум! Бум!

Громкий стук в окошко заставил всех нас подпрыгнуть, и мы тут же услышали шум на втором этаже – родители Оливии бросились на помощь. Оливия разразилась смехом, осознав, что источником стука является красавчик Пит. Он сидел на корточках на заднем дворе с еще одним членом баскетбольной команды – Джеффом Харрисоном. Кэндис драматично схватилась за сердце,

словно у нее случился приступ. Я все еще была слишком взвинчена из-за Вайолет, чтобы веселиться, но вздохнула с облегчением, что приехали мальчишки. Их неожиданный визит означал, что игра, скорее всего, закончилась.

Мы услышали, как дверь наверху открывается, и замерли.

Оливия жестом велела Питу отойти от окна.

– Оливия, что там происходит? – услышали мы голос мистера Ричмонда с верхней площадки лестницы.

– Ничего, папа! – ответила Оливия. – Просто Миша увидела паука.

– Каких же он, интересно, был размеров? – спросил мистер Ричмонд тоном, означавшим, что он догадывается о вранье.

Миша и Оливия подавили хихиканье, прикрыв рты руками.

– Это правда, – крикнула Миша поверх ее плеча.

– Отдохните, девочки, – посоветовал мистер Ричмонд. – Уже больше часа ночи. Завтра тяжелый день.

– Хорошо, папа, – сказала Оливия, явно желая, чтобы он оставил нас в покое.

Она подождала, пока мистер Ричмонд вернется к себе в спальню, кивками отсчитывая его шаги. Потом подтащила стул к окну и открыла его.

– Пит, что ты тут делаешь? – спросила она, стоя на стуле; мы наблюдали за происходящим.

– Мы с Джеффом проезжали мимо, и я решил, что было бы весело заглянуть и поздравить тебя с днем рождения лично, – сказал он, положив руку на сетку, которая их разделяла. Его взгляд прошелся по комнате, оценивая нас. Вайолет нервно покусывала нижнюю губу. Собирая пижаму на вечеринку, она, вероятно, не ожидала, что Пит увидит ее в ней – как и я не ожидала встретить Генри.

– Так романтично, – пробормотала Кэндис, не обращаясь ни к кому конкретному.

– Это очень мило, но вам, ребята, нужно убираться отсюда! Если папа вас услышит, то вызовет копов! – предупредила Оливия.

Пит поклялся тихо уйти – если Оливия сдвинет сетку и он поцелует ее через окошко. Она возилась с сеткой, пока та бесшумно не упала на траву заднего двора. Потом поднялась на цыпочки, чтобы Пит мог наклониться в открытое окно и поцеловать ее.

– Айзек никогда не бывает таким романтичным, – проворчала Кэндис.

Час спустя мы уютно устроились под одеялами, готовясь ко сну. Я расстелила свой спальный мешок на полу и повернулась спиной к подругам, как только те начали дышать глубже, а потом и храпеть.

У меня же не получалось заснуть. Роль Вайолет в игре, включая само предложение поиграть, беспокоила меня. Как она, не поднимаясь в дом ни разу за ночь, узнала, что родители Оливии купили ей красную «Тойоту»? Возможно ли, что кто-то в нашем крошечном городе рассказал Вайолет о Дженни – хотя тема была странной для обсуждения с кем-либо в старшей школе?

Глаза начало жечь от усталости, и я посмотрела на часы на кабельной приставке возле телевизора: половина четвертого. Внезапно я почувствовала, что бодрствую не одна. Повернувшись, я увидела, что Вайолет сидит в спальном мешке и трет глаза.

– Прости, если напугала тебя сегодня, – прошептала она, стараясь не разбудить других.

– Все нормально, – соврала я, потому что так обычно отвечают девушки. Все было совсем не нормально, но после впечатляющего выступления Вайолет было страшновато обидеть ее. Я перекатилась на бок, снова повернувшись к ней спиной. Той ночью я едва сомкнула глаза, не в силах отбросить подозрение, что огонь в камине, столь ярко горевший во время игры, так и не потух окончательно.

Глава 3

Утром Оливия выбежала через двойные двери и завизжала от радости, увидев новую красную машину на подъездной дорожке.

– О боже мой, как же она мне нравится! Очень-очень! – повторяла она, обнимая отца, потом мать, а потом снова отца.

Никто из нас не решился вслух упомянуть о том, как странно, что Оливия получила в подарок именно ту модель машины, о которой Вайолет обмолвилась в истории, рассказанной всего несколько часов назад. Если Вайолет и была удивлена исполненным предсказанием, то не показала этого.

Миссис Ричмонд приготовила нам всем блинчики в форме первых букв наших имен, что было немного по-детски, но всем понравилось. Я тихонько ела свою несчастную «М», будучи все еще под впечатлением от нашей вчерашней игры в подвале. К счастью, Генри уехал на встречу с рентгенологом еще до того, как мы проснулись. Я была не в настроении флиртовать и не хотела снова чувствовать себя неловко. Мне хотелось поскорее собрать свой рюкзак и помчаться домой, в безопасность, пока светло.

Выйдя из ванной на первом этаже и направившись в подвал, чтобы забрать сумку, я услышала, как Оливия произносит слова «сестра» и «пожар». Понятно: она рассказывает Вайолет историю из моей жизни. Как ни странно, мне польстило, что Оливия вообще об этом помнит. Все пересказанные ею события случились примерно тогда, когда я перестала быть подходящей компанией для Оливии, Кэндис и других девочек, считавшихся самыми красивыми и дружелюбными в начальной школе. Я не могла винить их семьи за то, что они позволили нашей дружбе увянуть, когда мы были маленькими детьми. То, что случилось в моей семье, было таким ужасным, что другие родители хотели держать своих детей подальше от нее – словно бы расстояние было превентивной мерой, не позволяющей трагедии настичь и их семьи.

Мои шаги на скрипящей лестнице прервали историю. Оливия с Вайолет неловко улыбнулись, когда я показалась в подвале. Только Кэндис повернулась и кивнула мне с грустными глазами – что подтвердило мое предположение.

– Мы собираемся посмотреть «Кровавый урожай 2: Жатва» сегодня днем, – радостно объявила Оливия, ее приветливость сочилась ложью. – Хочешь присоединиться?

– Не могу, – спокойно соврала я. – Я еду в магазин с мамой, чтобы подготовиться к танцам.

Я порадовалась, что не сообщила новым друзьям о покупке лавандового платья. Я нарочно скрыла этот факт – на тот случай, если партнер так и не появится.

В тот день лето плавно перешло в осень. Температура, наконец, упала на десять градусов, и резкий запах сухих листьев наполнил воздух, заглушая городские летние ароматы свежескошенной травы и жимолости. Я побежала домой, не желая дожидаться, пока мама приедет к Ричмондам за мной. Она заставляла других родителей нервничать. Ей повезло, что она может сбежать из Уиллоу на три дня каждую неделю для преподавания в Шебойгане. Там только те профессора, что уже давно вместе с ней преподавали в университете, знали ее так долго, чтобы помнить Дженни. В пределах города все ее ровесники помнили не только саму историю, но и заголовок, который появился на следующее утро после трагедии в «Газете Уиллоу»: «Ребенок погиб в трагическом пожаре». У многих моих знакомых родители были в разводе – и они жили со своими мамами после того, как их папы покинули Уиллоу, чтобы найти новую работу, новых жен и начать все сначала в новом туре жизненной игры. Но почему-то только мама вызывала неловкость, куда бы ни пошла. Даже кассиры в продуктовом грустно улыбались, отдавая ей сдачу.

Идти мне предстояло примерно две мили, но я спешила, желая попасть домой, к своей собственной знакомой кровати, и поспать еще хоть пару часов. Мысли о Дженни измотали меня, и я сожалела, что воспоминания о ней всплыли сейчас, накануне Осеннего бала, когда моя жизнь стала резко меняться к лучшему. Бывали дни, когда я едва думала о ней – а потом, конечно же, чувствовала вину. Нельзя было даже сказать, что я по ней скучала. Она покинула нас так давно, что я едва помнила то время, когда она была жива. К той осени я уже прожила сама столько же лет, сколько до этого прожила с ней, и моя жизнь разделилась ровно на две половины: с Дженни и после Дженни. То, что заменило отчаянную тоску, последовавшую за ее смертью, сменилось тревогой – бесспорным, но неосязаемым чувством, что природа ошиблась, забрала не ту близняшку.

– Природа не делает ошибок, – любила говорить мама о своей профессии, рассказывая будущим ботаникам и биологам о палочниках, которые могут слиться с окружающей средой, и земляных червях, которые позволяют земле дышать.

Но что, если... Я не могла помешать себе гадать. Но что, если ошиблась-таки, один раз?

Маме нравилось утешать себя, говоря, что смерть Дженни стала концом их с папой брака. По ее мнению, отец так и не набрался мужества, чтобы помочь ей пройти через потерю ребенка. Думаю, мой отец собрал бы свои вещи и уехал во Флориду, как только у мамы появились бы в волосах седые нити, даже если бы мы не потеряли Дженни годом ранее. Его внимание к ней стало исчезать не из-за пустой второй кровати с розовым одеялом, стоявшей нетронутой рядом с моей даже после переезда в новый дом, и не из-за шкафа, полного платьев и трико, ставших слишком маленькими для меня, которые мама не хотела никому отдавать. Причиной было не столько нежелание мамы принять это и жить дальше, сколько морщинки, появившиеся вокруг ее глаз после всех тех ночей, когда она едва спала, а также пила чай на пороге дома, желая убедиться, что все электрические приборы отключены, прежде чем отправиться в постель. Несмотря на отличное знание человеческой психики, отец не понимал, почему мог простить маме этот навязчивый страх, но не мог преодолеть отвращения к ее старению.

Кажется, он думал, что более молодая женщина в его жизни делала его круче в моих глазах, но его попытки разделять интересы Ронды выглядели жалко. В шестнадцать я уже бросала вызов его авторитету, решениям и опыту чаще, чем ему нравилось. Ронде тем летом, когда я приехала во Флориду, исполнилось двадцать семь лет.

– Ха! – воскликнула тогда моя мама. Ей только что исполнился сорок один год.

Осень была моим любимым временем года, несмотря на то что это сезон несчастливых воспоминаний. Среди них были годовщина смерти Дженни и того дня, когда папа, собрав все свои вещи, засунул их в багажник машины перед якобы трехдневной поездкой во Флориду. Цветные листья на деревьях и сухой их ворох, хрустящий под ногами, – все это не только вызывало ностальгию, но и успокаивало. В целом Висконсин – осенняя столица мира, по крайней мере, на мой взгляд. Никакое другое время года в Уиллоу не было так красиво и не

дарило мне ощущение дома.

Добравшись до нашего угла, я прошла пустое место, где раньше стоял наш прежний дом. Мама настояла на том, чтобы на полученные от страховой компании деньги мы купили единственный дом, выставленный на продажу в том же самом квартале в то время, когда сгорел дотла наш первый дом. Жутко? Да. Но в то время мама горевала: она не могла и думать о том, чтобы дух Дженни оставался один на нашей старой улице, а мы продолжили жить на другом конце города. Было немного странно каждый день проходить мимо этого пустого пространства, хотя периметр основания дома уже давно покрылся сухой травой. За восемь лет, прожитых в доме на другом конце квартала рядом с семьей Эмори, мама ни разу не подумала о переезде. Место на углу стало городской собственностью, и периодически кто-то из городского совета предлагал дурацкую идею разбить там парк. Этот проект всегда отвергали не менее двадцати матерей, которые поклялись, что не позволят своим детям играть на горках и качелях на месте такого ужасного события.

– Привет, милая! – окликнула меня мама, услышав, как я вошла в кухню с заднего двора. Наша наружная дверь стучала дважды из-за испорченной пружины – бум-бум! Она была в гостиной, читала газету, как любила делать в выходные. На ней все еще были очки, и она пила кофе, который, скорее всего, приготовила пару часов назад, встав на прогулку с собакой. – И как прошла вечеринка?

– Нормально, – ответила я. – Оливии подарили новенький «Приус».

– Рэнди и Бет всегда баловали эту девочку. Начни намекать на это своему отцу, – посоветовала мне мама. – Новые машины не в моей власти.

– Итак, – объявила я, опуская рюкзак на подлокотник дивана и улыбаясь маме, – угадай, кто пригласил меня на танцы в следующую субботу.

– Да ты гонишь! – воскликнула мама. В ее защиту нужно сказать, что она учила ребят из колледжа и всегда была рада попрактиковаться в том, что считала «крутым сленгом». – Кто? Стой! Вы что, вчера гуляли с мальчишками?

– Нет, мам, – возразила я. – Мы провели всю ночь в подвале Оливии, как я тебе и обещала. Ее брат пригласил меня.

– Генри? Он не слишком взрослый для тебя?

Одним из проклятий жизни в маленьком городке было то, что все родители знали всех детей в школе. Наши семьи вместе ходили на пикники, дети вместе учились, собирались на катке.

– Он всего на два года старше меня. Небольшая разница, – настаивала я, хотя в душе думала, что она таки большая.

Такая, что я все еще с тревогой представляла, как отреагируют Кэндис, Оливия и Миша. Оливия была относительно дружелюбной и милой почти со всеми девушками в школе – по крайней мере, лучше, чем тот общеизвестный стереотипный образ богатых популярных блондинок. Кэндис же, наоборот, могла быть злобной, а Миша в таких ситуациях обычно повторяла за Кэндис или Амандой.

Моя мама хотела знать о вечеринке все – какие фильмы мы смотрели, какой торт подала мама Оливии, но я была рада отмахнуться от воспоминаний и больше о них не думать. Я объявила, что мы мало спали и что мне хочется пойти чуть отдохнуть, а потом направилась по коридору в свою комнату.

Я сразу же заснула, добравшись до своей кровати. Мышцы все еще болели от напряжения – и от того, что прошлой ночью я плохо отдохнула. При воспоминании странного чувства, охватившего меня, когда Вайолет рассказывала свои истории, волосы на моих руках встали дыбом, хотя в комнате было тепло.

«Конечно же, не злые духи поднимали тела», – заверила я себя. Это просто безумные мысли. Я даже не верила в привидения, духов или полтергейст – злых или добрых. Я провела большую часть своего детства, мечтая о послании от духа моей близняшки, но напрасно. Если Дженни не смогла понять, как пересечь границу, разделяющую живых и мертвых, чтобы общаться со мной, то зачем какому-то случайному духу, у которого вообще не было причин вмешиваться в вечеринку по случаю шестнадцатого дня рождения девушки в скучной части Висконсина, с нами связываться?

«Но все равно, это было странно», – подумала я.

Спала я спокойно, несмотря на то, что уже был день. Сны начинались и заканчивались внезапно, как часто и бывало, когда я засыпала не ночью или спала допоздна утром.

Мне приснилась вечеринка в честь дня рождения кого-то из нас. Я не была уверена, кто именинник. Возможно, это нам с Дженни исполнялось пять лет: во сне разыгрывалось воспоминание, словно уютное домашнее видео, снятое камерой «Супер 8»[3 - Камера, использующая 8-мм пленку. Популярный в 1970-80-х в США аппарат, позволявший снимать фильмы в домашних условиях (Прим. редактора).], только без звука. Мы с Дженни были в одинаковых бумажных колпаках именинниц – розовых конусах, держащихся на наших головах благодаря тонким дешевым белым резинкам. Как часто и бывало в том возрасте, Дженни была одета в синее, а я в красное – примитивная техника мамы, призванная помочь различать близнецов. Мы с Дженни, сияя, наклонились вперед, чтобы задуть свечи. Там была Оливия, очень маленькая для ее возраста и с торжественным лицом. И Черил, с улыбкой на лице и хвостиками на голове. Мой отец обошел стол в обеденной комнате с видеокамерой в руках, мама порезала торт и положила кусочки на картонные тарелки с логотипом Барби. В тот неясный момент, когда это воспоминание покинуло мой сон, я пообещала себе, что, проснувшись, спрошу маму, в каком году у нас была Барби-вечеринка.

Примерно пару минут спустя, а возможно даже и часов, мой сон стал значительно мрачнее. Внезапно я оказалась посреди ночи на нашей старой лужайке. Я мерзла в тоненькой ночной рубашке и чувствовала обжигающий жар пламени, охватившего наш дом и обжигающего мои голые руки и ноги. Соседи подняли меня, отнесли подальше от дома, а тишину ночи разорвали сирены машин, доставивших пожарных в желтых костюмах к нашему дому (слишком поздно, чтобы это имело хоть какое-то значение). Ни во сне, ни наяву у меня не получалось вспомнить, как я оказалась на той лужайке или что разбудило меня так поздно ночью и подтолкнуло покинуть дом.

Во сне, так же четко, как и в воспоминаниях, я видела, как через входную дверь выходят извивающиеся силуэты родителей, на фоне бушующего пламени позади них казавшиеся извивающимися черными силуэтами. Полосатая пижама папы загорелась. Пожарный бросил на него тяжелое одеяло и повалил на лужайку, чтобы потушить огонь, а мама с покрытым черной сажой лицом дико осматривала толпу, собравшуюся поглазеть на полуночный спектакль. Она казалась почти безумной и выглядела настолько неузнаваемой с этими спутанными волосами и измазанным лицом, что я видела лишь белую ткань ее

ночной рубашки и расширенные черные зрачки, скачущие на фоне белков глаз. Увидев меня возле машины пожарных в объятиях соседа, она бросилась босиком по хрустящей замерзшей траве.

– Где она? – спросила она сдавленным голосом, тряся меня за плечи. – Где твоя сестра?

За восемь лет, прошедших после пожара, я так и не смогла вспомнить, на самом ли деле я видела, как Дженни машет мне, стоя у окна, пока пламя пожирает шторы, или мне это только показалось. Но когда грезы наяву или кошмары возвращали меня в тот момент, когда мама спросила, где Дженни, – я всегда видела ее силуэт, а черты ее лица оставались в тени. Она, пожираемая пламенем, понимала, что я выбралась живой. Если, как я считала, она и вправду добралась сама до окна, то, должно быть, поняла, что погибнет одна, без меня, – что, скорее всего, пугало ее больше, чем само приближение конца. Мне так никогда и не хватило храбрости спросить маму, нашли ли тело Дженни в том, что когда-то было нашей спальней, или в каком-нибудь другом месте.

За годы после пожара, прокручивая эти ужасные моменты в голове сотни тысяч раз, я поняла, что, увидев меня тогда, мама понятия не имела, кто из близняшек спасся. В безумном отчаянии она только поняла, что из дома выбралась одна девочка. Во сне я не чувствовала ничего: ни страха, ни ужаса. Возможно, той ночью я находилась в состоянии шока, и подсознание подавило впоследствии все воспоминания и чувства.

Первую половину жизни я делила свою личность с Дженни. Все видевшие нас полагали, что мы две части одного целого и не можем существовать друг без друга.

– О, они такие милые, – говорили люди. Но это было не так. У нас была средняя внешность и щечки бурундуков. В тот год, когда Дженни погибла в пожаре, у нас обеих выпали передние зубы. Именно наша схожесть, но не наша внешность как таковая, была милой и запоминающейся. Если бы у меня не было сестры-близняшки, то у мамы за спиной люди, скорее всего, говорили бы, что я невзрачный ребенок.

– Они так хорошо себя ведут, – делали бы моей маме комплименты. Но и это не было правдой. Мы постоянно ссорились и дрались. Всегда ревновали, когда

родители уделяли внимание кому-то из нас. С какой бы игрушкой одна из нас ни играла, другой непременно хотелось именно ее. В нашем ящике всегда было по две одинаковые игрушки, но даже это не стало решением проблемы. Из всех вещей в коробке с игрушками больше всего наши ссоры вызывали наборы «Лайт-Брайт»[4 - Игрушка, состоящая из подсвечивающейся панели и цветных прозрачных колышков. Колышки вставляются в панель, формируя рисунок или надпись (Прим. редактора).]. Ссоры были такие яростные, что в итоге мама заявила, что отдала их бездомным детям (после смерти Дженни я нашла обе коробки спрятанными в гараже)...

Обман родителей и учителей стал для нас нескончаемым источником развлечения: мы обменивались одеждой, значками с именами и настаивали, что нас нужно звать именем другой близняшки. Мама каждый день предупреждала папу, что находится на грани нервного срыва, проводя все дни дома, пока он ездил читать лекции в кампусе. Естественно, всю мою жизнь люди предлагали мне почитать исследования об идентичных близнецах и их телепатических способностях, секретных языках и кодах, необъяснимо одинаковых привычках. Я не помнила, чтобы нас с Дженни связывало что-то такое до ее смерти. Помнила лишь ее присутствие и успокоение от того, что она рядом. Будучи близняшкой, я была очень застенчивой: мне не нужно было смотреть в зеркало, чтобы знать, каким уродливым становится мое лицо, когда я злюсь. Я все еще помнила, как плакалась маме со словами «Пусть она прекратит делать такое лицо!», когда Дженни смотрела на меня, нахмурившись. Я считала это ужасным и знала, что могу выглядеть точно так же.

Когда пожар потушили, глава департамента пожарных подошел к маме и папе, и они тихо о чем-то поговорили. Я была слишком далеко, чтобы их услышать. Мама упала в папины объятия, и нас троих отвезли в полицейской машине в больницу в соседнем городе, где дали отдельные палаты и следили за нашим состоянием после отравления дымом. Врач сказал мне, что маме дали успокоительное и что я смогу увидеть ее лишь утром. Медсестры принесли томатный суп и позволили не спать, а смотреть мультики, пока над горизонтом не поднялось солнце. Мне было восемь, и я была слишком маленькой, чтобы понять смерть. Слишком юной, чтобы понять, что Дженни больше нет – нет совсем – и что я больше ее не увижу. По крайней мере, целый год я ожидала, что однажды проснусь утром перед школой, и она внезапно вернется, целая и невредимая, как раньше, до пожара. Но, отложив в сторону расхожее мнение об особой связи близнецов, – каким-то образом той ночью в больнице я уже знала, что Дженни мертва. Не припомню, чтобы встревоженные медсестры сообщали мне об этом, но я знала.

На следующий день мама пришла ко мне и села на кровать рядом со мной. Ее глаза были опухшими после тяжелого многочасового сна, вызванного лекарствами. Отец стоял рядом, положив руки ей на плечи.

– Дженни, нам нужно кое-что сказать тебе. Тебе будет сложно это понять, – начала мама.

Я открыла рот, чтобы поправить ее, но замешкалась. Мне стало ясно, что у меня есть шанс снова поменяться местами с сестрой. Я могла бы позволить им и дальше думать, что я – Дженни, а в пожаре погибла МакКенна. Но, будучи невинной, наивной восьмилеткой, я не увидела в этом для себя выгоды. Что-то подтолкнуло меня все же исправить эту ошибку.

– Я МакКенна, мама, – исправила я ее.

Я была слишком мала, чтобы понять, что и у родителей бывают любимчики; это происходит произвольно.

Даже на медицинской табличке в ногах моей больничной койки стояло имя Дженнифер Лора Брейди. Намеренно ли родители так заполнили мои данные или это была невинная ошибка? Я не осмелилась об этом спросить.

Проснувшись, я обнаружила, что солнце уже низко. Значит, было почти время ужина. Я зевнула и потянулась. Сон о пожаре закончился, как и обычно, сценой в больнице. Еще пару мгновений я неподвижно лежала, вспоминая, как почти через год после пожара мама сидела в одиночестве на пороге каждую ночь, уставившись на пустую выжженную площадку на углу улицы, а весна переходила в лето. Однажды ночью я вышла и села на порог рядом с ней.

– Я могу быть Дженни, если хочешь, – серьезно сказала я. Ее горе было таким сильным, что я была готова сделать что угодно – даже пожертвовать своей личностью, – чтобы вернуть прежнюю маму.

* * *

– Что-то мне не хочется готовить. Может, сходим к «Бобби»? – предложила мама, когда я, открыв холодильник, стала обзирать его содержимое. Показаться с мамой «У Бобби» в вечер субботы было бы ужасно, будь я прежней МакКенной. Но сейчас, поколебавшись пару мгновений, я согласилась. Проспав целый день, я не на шутку проголодалась, а в нашем холодильнике ничто не могло сравниться с гигантским салатом шефа в закусочной.

Выйдя на улицу, мы увидели, как Трей подъезжает к своему дому на немытой серой «Тойоте». Я моментально вспомнила ее салон: мягкие сиденья и слабый хвойный запах освежителя воздуха, висевшего на зеркале заднего вида. Моим первым побуждением было отвернуться, притворившись, что я не слышала, как всего в десяти футах от меня заглушили двигатель. Но маме обязательно нужно было помахать ему, так что избежать дружеского обмена фразами не получилось.

– Привет, Трей! – крикнула мама, когда тот вылез из припаркованной машины.

– Привет, миссис Брейди! – ответил Трей. К маме все еще обращались «миссис», хотя все в городе знали, что отец бросил нас семь лет назад[5 - В английском языке есть нейтральное обращение «миз» (mizz, сокращенно Ms) по отношению к разведенным (и другим) женщинам (Прим. редактора).]. Он небрежно кивнул мне, ни словом более не признавая мое присутствие. Его поведение сказало мне все, что мне нужно было знать: он считал мое восхождение к популярности отвратительным и был разочарован во мне. Социальная дистанция между нами значительно увеличилась.

– А этот Трей красивый парень, – заметила мама, когда мы сели в машину и стали пристегиваться. – Я бы и не подумала, что он вырастет таким симпатичным. Ребенком он выглядел нелепо. Что говорят о нем в школе? Девушка есть?

Я видела, на что она намекает. Неприятная правда состояла в том, что я сомневалась, интересовался ли Трей мною в романтическом плане – и позволили бы наши совершенно разные друзья нам встречаться без известного рода неловкости. Ну, в конце концов он знал, где меня найти. Мамины намеки почему-то расстроили меня – наверное, потому что Трей мне нравился еще с начальной школы, когда он вел себя, как старший брат. Я понятия не имела, какие девчонки его привлекают, но была уверена, что сама я недостаточно для этого крута. Хотя это было и неважно, потому что мечтала я о Генри Ричмонде.

– Он настоящий фрик, мама. Девушки его избегают.

Мама завела машину и спокойно сказала мне:

– Фрик? Мне не нравится твоя новая привычка смотреть свысока на других детей в школе. С тех пор как ты начала снова общаться с Оливией и Кэндис, ты перестала, мне кажется, замечать, как критично ты стала настроена. Ты не была такой, когда дружила с Черил.

Ох, ну конечно же мама не понимает, что невозможно быть одновременно принятой в престижный круг и при этом поддерживать крепкие отношения с непопулярными друзьями. И она никогда не поймет, почему я, обычная девушка из старшей школы Уиллоу, не могу состоять в романтических отношениях с Треем Эмори – даже если, как откровенно выразилась Оливия днем ранее, он действительно сексуален, если не обращать внимания на его странности. Я помнила, каким серьезным умником он был в детстве. А также то, как когда-то, давным-давно, он сильно старался меня рассмешить.

Во время ужина «У Бобби» я почувствовала вибрацию в сумочке и достала телефон. Это было сообщение с неизвестного номера, содержащее вложенное фото рентгеновского снимка с подписью: «К танцам готов. Генри».

Субботние вечера в сентябре служили напоминанием, что я еще не полностью сбежала от предыдущей жизни. Хотя все в школе и так знали, что у меня нет парня, я все равно порадовалась, что никто не видел, как мы вместе с мамой едем с ужина домой на закате. Вечера пятниц были предназначены для подружек – для ночевки друг у друга, совместных походов в кино. Субботние же вечера оставляли для парней. Кэндис и Айзек уже наверняка катались по городу в его пикапе, явно не планируя ничего хорошего. Скорее всего, Мэтт и Миша тоже запланировали поход в кино или за пиццей к «Федерико».

Оливия была из тех девушек, что стремятся к постоянному самоутверждению: даже со своего романтического свидания с Питом в честь ее дня рождения она весь вечер присылала мне, Кэндис, Мише и Вайолет сообщения. К одному из них она прикрепляла фото золотого ожерелья с подвеской в форме буквы «О», которое ей подарил Пит.

Год назад мне показалась бы невероятной мысль, что у меня может появиться парень до окончания школы. Теперь же я начала задумываться о возможных свиданиях по вечерам в субботу. Возможно, в будущем июле, ближе к семнадцатому дню рождения, рядом окажется симпатичный парень с блестящими глазами – вроде Генри, – который порадует меня романтическим подарком. В конце концов, год назад невозможно было бы даже подумать, что меня пригласят на вечеринку в дом Оливии.

Я лежала на животе на кровати и читала журнал, когда мое внимание привлекла вспышка света за окном. Я встала и подняла жалюзи. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидела, что это Трей бродит с фонариком по своему заднему двору. В его спальне горел свет – как и в передней части дома, где, судя по доносившимся звукам, его родители и младший брат смотрели поздние субботние комедийные телепрограммы. Трей присел на корточки рядом с кустами у забора, отделявшего его двор от нашего, и начал там словно бы что-то искать.

Снедаемая любопытством, я (хотя и не могла бы вспомнить, когда в последний раз мы с ним нормально общались) подняла окно и тихонько спросила:

– Что ты там делаешь?

Послышался шорох. Трей встал, луч его фонарика, скользя по обшивке дома, остановился на моем лице. Инстинктивно я прикрыла глаза.

– У одной из уличных кошек, которых кормит моя мама, здесь котята, – прошептал он в ответ. Из-за громкого стрекота сверчков я едва смогла его расслышать.

– погоди минутку, – пробормотала я, внезапно ощутив желание принять участие в том, что он делает. Я стянула со стула кардиган, накинула его на себя и выскользнула на улицу через заднюю дверь кухни. Открыв нашу заднюю калитку, а потом – калитку, ведущую на участок Эмори, я присоединилась к Трею в прохладной темноте. Он снова присел на корточки и наклонился. Все еще включенный фонарик лежал на траве рядом с ним, но его свет был направлен в сторону от того, что он разглядывал. Черная выцветшая футболка, приподнявшись на спине Трея, выставила напоказ волнистую линию его позвоночника и немного – ложбинку в нижней части спины. Я покраснела из-за

того, что, пусть ненамеренно, рассматривала вот так его тело – и была рада, что темнота скрывает мое смущение.

– Кажется, их тут шестеро, – прошептал он, не глядя на меня. Я присела рядом с ним и присмотрелась. Маленькая трехцветная кошка растянулась под белыми кустами азалии в саду Эмори, все еще цветущими из-за столь необычной для осени теплой погоды. – Посмотри-ка на серого малыша.

Шесть (а может, и больше) пушистых комочков, прижавшись к маме, сосали молоко. Кошка окинула нас равнодушным взглядом золотистых глаз.

– Я услышал мяуканье из своей комнаты, – сказал Трей. – Хотел принести сюда кошачью еду, но кошка-мама может испугаться моего приближения.

Мы молча наблюдали за семейством пару минут, в основном полагаясь на свет почти полной луны. Я подумала о том, как странно сидеть вот так, в паре дюймов друг от друга, слегка соприкасаясь локтями, и впервые свободно общаться после нескольких лет молчаливого знакомства. Главная странность состояла в том, что меня не покидало чувство, что это – в порядке вещей. Словно это самая естественная вещь в мире – сидеть тут вдвоем в полночь и смотреть под цветущие кусты азалии.

– Ты можешь оставить банку с кошачьей едой здесь, – наконец, предложила я ему. – Просто не ставь слишком близко к кустам.

– Хорошая идея, – согласился Трей и медленно встал. Потом он пересек двор и тихо вошел в дом через заднюю дверь, а вскоре вернулся с открытой банкой довольно дорогих кошачьих консервов, поставил ее в паре футов от мамы-кошки и снова присел рядом со мной. Запах еды привлек внимание кошки, но она не рискнула покинуть котят даже ради того, чтобы найти его источник.

– Боюсь оставлять их одних ночью, – озабоченно признался Трей.

– Кошки рожают котят в пригородах постоянно, и все с ними нормально, – заверила я его, не особо, впрочем, веря своим словам. В Висконсине было полно ночных животных, представлявших угрозу для мамы-кошки, которой нужно было защитить шесть котят. Прежде чем наша собака Мокси состарилась, она постоянно убивала вторгшихся в наш двор и оставляла их трупы на пороге

задней двери: то опоссума, то енота, то – белку или бурундука.

– Может, мне поспать здесь, – внезапно проговорил Трей. – Чтобы отпугнуть других животных? Я уже пытался перенести кошку – но она сбежала. Сомневаюсь, что получится занести ее и котят домой.

Его руки были все в царапинах – скорее всего, после попыток забрать кошку. Я была удивлена, но тронута, когда он снова ушел домой и вернулся со спальным мешком и подушкой.

– А твои родители не посчитают странным решение спать на улице? – спросила я, уже начиная замерзать – и к тому же я заметила, что мама выключила свет в гостиной: обычно это значило, что она идет спать.

– Мои родители и так уже считают меня странным, – пожал плечами Трей.

Мы стояли лицом к лицу. Я просто не знала, что сказать. Трей Эмори так переживал за уличную кошку и ее новорожденных котят, что был готов спать во дворе. Это было странно, но в то же время мило. Чего еще я не знала о парне, жившем так близко от меня? Мы довольно долго молча смотрели друг на друга. Я подумала, не набирается ли он смелости сказать мне что-то – и сама пыталась подобрать слова, чтобы сказать ему, как мне жаль, что мы так отдалились за последние несколько лет.

А потом он внезапно протянул руку и убрал за ухо прядь волос с моего лба.

– Доброй ночи, наверное, – пробормотал он.

Должно быть, на моем лице что-то промелькнуло после прикосновения его пальцев, потому что он застенчиво улыбнулся и извинился:

– Прости, это было странно, да?

– Нет, не странно, – заверила я его, хотя, кажется, неестественно высокий голос меня выдал. Мысли путались в голове: хотел ли он показать, что я ему нравлюсь? Или скорее говорил «пока», как старший брат? Или это формальность? Я предпочла выбрать второй вариант – но никак не могла

оторвать взгляда от глаз Трея.

– Не, это было странно. Нужно было просто пожать тебе руку, – вот эту саркастичную сторону характера Трея я помнила с детства. Его шутливость вызвала у меня странное ощущение покалывания по всему телу, с ног до головы.

Я закатила глаза:

– Вот рукопожатие точно было бы странным. – Не размышляя над смыслом сказанного, я добавила: – Салют был бы лучше. В следующий раз лучше отсалютуй.

– Хорошо, – согласился он, удерживая мой взгляд, и кивнул. – В следующий раз.

Я оглянулась по пути к калитке, ведущей прочь из двора Эмори, и увидела, как Трей расстилает спальный мешок в паре футов от кустов. Сердце мое упало, когда я вспомнила, что в комнате на телефоне у меня есть сообщение от Генри Ричмонда. Я собиралась на Осенний бал с одним из самых привлекательных парней, когда-либо учившихся в старшей школе Уиллоу. Не стоило тратить время на нелепый флирт с соседом.

* * *

Утром моим первым побуждением было выглянуть из окна и посмотреть, оставался ли Трей до сих пор во дворе.

И потом целый день я пыталась прогнать из своей головы мысли о нем – и не могла не гадать, каковы шансы на то, что он тоже думает обо мне. Между нами было что-то, чего я не могла точно объяснить – как и не могла бы объяснить того, что происходило в подвале Оливии вечером пятницы.

Но в одном в те выходные я была уверена: даже приходя в волнение от каждого нового сообщения Генри, я просто не могла дождаться новой встречи с Треем.

В то утро понедельника что-то в моей прогулке до школы казалось другим.

Возможно, потому, что летняя жара спала, – или потому, что я надеялась встретить Трея где-нибудь в школьном коридоре. Впервые в этом учебном году я шла вприпрыжку, словно не могла дождаться, когда вернусь к повседневности уроков и оставлю позади все странности, пережитые на пятничной вечеринке.

Перед началом урока в коридоре ко мне подошла Оливия.

– Брат сказал, что ведет тебя на бал, – заявила она; я не могла понять, рада она этому или нет. – Это круто.

Я выдохнула с облегчением.

– Правда? Потому что если нет, я могу попросить кого-то другого. Честно, Оливия. Если тебе будет неловко, я попрошу Дэна.

Дэн со своей стрижкой «ежик» и бесконечными веснушками находился в другом конце коридора и не мог нас слышать. Он уже собрал учебники для первого урока и пожелал мне хорошего утра.

– Не глупи! Конечно, это круто. Ты и мой брат – симпатичная пара. Возможно, Кэндис психанет, но просто игнорируй ее. Генри считает ее треплом.

Благословение Оливии позволило мне расслабиться по поводу танцев.

– А что насчет Миши? – деликатно спросила я. – Как думаешь, подумают ли они с Аmandой, что я мешаю Мишель?

Оливия наморщила носик.

– У Мишель уже новый парень в Университете Миннесоты. Я бы не стала переживать по этому поводу.

В обед в столовой разговор вернулся к футбольной игре в пятницу в Кеноше. Повезем ли мы целый автобус учеников на другой конец штата, чтобы подбодрить команду? Вердикт прозвучал так: мы поедem в Кеношу, раз Кэндис настаивает, что нужно поддержать Айзека. Но не станем нисходить до того, чтобы ехать на автобусе с отвратительными девятиклассниками и неуправляемыми десятиклассниками.

– Я могу взять машину, – предложил Пит. – Впятером мы поместимся в «Инфинити». – Он осмотрел наш стол и посчитал головы. – Один, два, три, четыре, пять, – произнес он, сначала ткнув себе в грудь, потом показывая по очереди на Оливию, меня, Кэндис и Джеффа. Хотя Джефф был высоким и играл в футбол с Питом, он не был особенно симпатичным или прикольным. Меня не покидало чувство, что к середине недели Оливия надавит на Пита, и тот вынудит Джеффа пригласить Вайолет на танцы, чтобы никто не оставался в стороне.

– Нам с Аmandой придется ехать на автобусе для чирлидеров, – сообщила Миша Вайолет. – Можешь поехать с нами, если хочешь. Будет весело. – Вайолет кивнула. Она сидела на дальнем конце стола и ела йогурт.

Я никогда не бывала на футбольной игре в качестве зрителя. Будучи знаменосцем, я всегда сидела со своей командой в непривлекательной синей униформе и ждала выступления на поле. Я никогда не думала, что однажды буду сидеть на трибунах, есть хот-доги и попкорн с крутыми ребятами из школы. Пусть я и не была большим фанатом спорта, но мысль о поездке в Кеношу на машине Пита вызвала трепыхание бабочек в моем животе.

После обеда я вместе с Кэндис направилась к своему шкафчику. Она была необычайно молчалива весь последний час. Из всей нашей маленькой компании друзей я, наверное, была наименее близка с Кэндис. Но наши шкафчики находились у одной стены в одном и том же коридоре, так что время от времени я ходила с ней – как правило, не зная, что сказать.

– Я собиралась тебе кое-что сообщить, – произнесла она шепотом, как только другие прошли дальше в направлении своих шкафчиков, чтобы взять учебники для дневных занятий, – по поводу пятницы. В том, что Вайолет рассказала обо мне, когда мы играли в ту игру, было что-то странное.

Я резко остановилась, удивленная внезапной переменой в Кэндис: она довольно резко перешла от веселых планов в столовой к вечеру прошедшей пятницы – и, едва вспомнив вечеринку Оливии, тут же стала серьезной. Я снова ощутила тот дискомфорт, который испытала тогда в подвале. Возможно, не мне одной было слишком неуютно, чтобы веселиться во время игры.

– Да? – спросила я, не желая самой признаваться в неприятных воспоминаниях о вечеринке.

– Во время истории про воду, в которой я ушла от братьев навстречу волнам. Но у меня нет родных братьев. У меня есть два единокровных брата от второго брака папы, но я почти уверена, что никогда не упоминала Дилана и Джордана при Вайолет. Они живут в Грин-Бей, и я с ними редко вижу.

Я нахмурилась: мы были знакомы с самого садика, но даже я не знала, что у ее отца два сына от новой жены. Оба родителя Кэндис завели новых супругов, но я знала только о существовании ее младшей единоутробной сестры Джулии, которая сейчас училась в восьмом классе.

– Это странно, – согласилась я, гадая, нужно ли довериться Кэндис и рассказать о собственном удивлении из-за знаний Вайолет о красном «Приусе», стоявшем на парковке дома Ричмондов в ночь вечеринки.

Именно тогда я подняла взгляд и увидела, что к нам идет Трей. Я непроизвольно улыбнулась и подняла руку, чтобы помахать, но наши взгляды встретились на мгновение, а потом от отвернулся и прошел мимо меня – так, словно меня вообще не существовало. Я покраснела от унижения. Видимо, я неправильно оценила то, что произошло между нами той ночью на заднем дворе, – мне стало стыдно от того, как сильно колотится мое сердце. К счастью, Кэндис не заметила моего временного замешательства – ее взгляд последовал за Треем, уходящим по коридору.

– Мило, – сквозь зубы пробормотала она с неприятной улыбкой. Мы дошли до моего шкафчика, и Кэндис подождала, прижав учебники к груди, пока я открою замок. Ее мысли вернулись к Вайолет и событиям вечера пятницы. – Как думаешь, Вайолет шпионила за нами? Я даже полистала свой инстаграм: вдруг она видела фотографии моих братьев там, – но ничего не нашла.

Понятно: переживания Кэндис по поводу Вайолет уходят корнями в повседневность, а не в мир сверхъестественного, как мои. Глупо думать, что у Вайолет есть экстрасенсорные способности или она умеет как-то общаться с призраками.

– Может, кто-то сказал ей, – предложила я. – Например, Оливия.

Кэндис нахмурилась – я ее не убедила. И понятно почему. Оливия не стала бы занимать себя деталями жизни кого-то другого. Она существовала в своем собственном идеальном мире, в счастливом неведении о тривиальных проблемах других людей.

– Не знаю. Просто это кажется странным.

* * *

У нас с Вайолет был общий урок после обеда, история США, которую вел мистер Дин.

– Класс, я знаю, что в это время года у всех на уме только Осенний бал: выборы его двора и Короля с Королевой. Но хочу напомнить вам, что в эту пятницу – выборы в ученический совет. Мне бы хотелось, чтобы вы подумали о вступлении в совет класса, – сказал мистер Дин. Он помогал ученическому совету, наблюдал за выборами и давал задания четырем представителям каждого класса. Я редко думала об ученическом самоуправлении. Оливия всегда была президентом нашего класса, а Майкл Уолтон, умник из команды по математике, – вице-президентом. Все знали, что Майкл выпустится отличником. Трейси Хартфорд, самая большая сплетница в одиннадцатом классе, всегда была секретарем, а Эмили Моррис отвечала за финансы.

Когда прозвенел звонок и я начала собирать учебники, меня окликнул мистер Дин:

– Мисс Брейди? Могу я с вами поговорить?

Вайолет вскинула бровь, глянув на меня по пути из класса и гадая, почему мистер Дин позвал меня поговорить тет-а-тет.

Я подошла к учителю, стиравшему записи с доски. На дом на выходные нам было задано написать эссе по памфлету Томаса Пейна «Здравый смысл». Я не очень-то хорошо справилась, так как была слишком занята мыслями о Трее, Генри и странностях на вечеринке Оливии.

– Да, мистер Дин? – спросила я.

– Я хотел спросить, не думала ли ты попробоваться на роль казначея одиннадцатого класса, – сказал мистер Дин. – Мне кажется, у тебя отлично получится.

Я не понимала, почему он считал, что у меня вообще что-то может получиться. На самом деле я выделялась лишь на уроках искусства. Не было причин думать, что пожилой мистер Дин с его подтяжками и галстуком-бабочкой обменивался историями с мисс Киркович – гораздо более молодой и продвинутой учительницей искусства. Кроме того, я уже слышала, что Джейсон Аркадиан, представлявший половину нашего жалкого школьного клуба по дебатам, уже подал свою кандидатуру с пятью подписями. Джейсон не был так популярен, как Пит и Айзек, но все же люди знали, кто он такой. Его никогда не называли коровой, он не терял близнеца в ужасной трагедии, о которой знали все в городе. К тому же я понимала, что придется приложить немало усилий, чтобы победить его.

– Математика плохо мне дается, – заверила я учителя. – Сомневаюсь, что буду хорошо управлять финансами класса.

– Но тебя будут любить. Ты дружелюбна ко всем в классе, – возразил пожилой мужчина. – Казначей одиннадцатого класса – очень важная роль. Ты будешь отвечать за сбор средств на поездку.

Каждый год, во время первой недели мая, одиннадцатый класс отправлялся в однодневное путешествие – например, в Чикаго или Миннеаполис. В предыдущий год ученический совет одиннадцатого класса организовал продажу нарциссов и шоколада. Оба варианта оказались неудачными, собранных денег не хватило, и в итоге всем ученикам пришлось сдать по двести долларов, чтобы участвовать в поездке. Мне не хотелось думать об участии в выборах, но предложение мистера Дина попробовать заставило меня вспомнить о валяющихся на земле листьях, которые утром видела по пути в школу. Можно

было бы организовать учеников собирать листья и убирать снег – две задачи, помощь с которыми нужна была всем в Уиллоу.

– Я подумаю об этом, – заверила я мистера Дина и помчалась на физкультуру.

В коридоре у класса истории меня терпеливо ждала Черил. Я почувствовала отвращение к самой себе за то, как обращалась с ней с начала школьного года. Черил был мягкой, действительно милой – из тех девушек, что полностью обретают себя в колледже: там у нее появится умный парень, и она, наконец, реализует весь свой академический потенциал. Но в старшей школе Черил была девочкой в больших тяжелых очках... и в дешевых «неправильных» джинсах.

– Привет, – застенчиво поздоровалась она. Бедная Черил. Официально я не отказывалась от нашей с ней дружбы, но она все понимала. Теперь в обед я сидела с новыми друзьями, а на лабораторных работах вставала в пару с Мишей, а не с ней. Миша настаивала, что ей нужна моя помощь, а Черил получит хорошую оценку по химии и сама. – Хотела спросить, что ты делаешь в пятницу. Мама достала билеты на концерт «Ягненка и Сова» в Мэдисоне, и я подумала – может, ты захочешь пойти.

Внутри все оборвалось. Черил знала, что мне нравился фолк-дуэт «Ягненок и Сова» из Новой Зеландии. Я понятия не имела, что у них тур по США. Внезапно я почувствовала зависть, что у нее есть билеты, и ярость, что она купила их в очевидной попытке вернуть нашу дружбу. Черил они не нравились так, как мне. Пропуск первой футбольной игры года за пределами школы ради поездки с Черил (и возможно, с ее мамой или папой) на хипстерский фолк-концерт на юге точно не останется ненаказанным Оливией и Кэндис.

– Я бы хотела, – с печальным видом солгала я, – но, возможно, мне придется остаться после уроков в пятницу из-за встречи, о которой мне только что рассказал мистер Дин. К тому же обычно пятницы я провожу дома. С мамой. Ну ты знаешь – в это время года.

Я ненавидела себя за использование смерти Дженни как способа отказаться от поездки на концерт, но слова легко сорвались с языка. Лицо Черил тут же потемнело. Смесь разочарования, что я отказала, и стыда: я намекнула на то, что она забыла, какое эмоционально сложное это время года для моей семьи. Лишь увидев ее реакцию, я пожалела о выборе причины, но было слишком

поздно отказываться от вранья. Я не знала, что скажу, если она узнает, что я уехала на игру с новым кругом друзей, – хотя и понимала, что буду чувствовать себя очень виноватой, если это произойдет.

– О боже, МакКенна, прости, – извинилась Черил. Казалось, она вот-вот заплачет. – Я совсем забыла. Просто я так скучаю по тому времени, когда мы гуляли вместе, понимаешь? Я подумала, было бы весело отправиться вместе на концерт.

Мое сердце практически разрывалось. Я никогда раньше не обрывала дружбу и мечтала найти способ пригласить и Черил в круг друзей Оливии, но в старшей школе это так не работает. Я была очень недовольна собой. Но мне хотелось обрести свое место. Хотелось пойти на Осенний бал за руку с Генри и не переживать, что меня снова назовет «коровой» какой-то идиот из одиннадцатого класса. Я мечтала получить воспоминания о популярности, на которые смогла бы оглядываться, когда покину Уиллоу и поступлю в колледж. После наполненного горем детства мне казалось, я заслуживаю пары лет популярности.

– Все нормально, Черил. Может быть, мы встретимся на следующих выходных, – предложила я, в душе понимая, что к следующим выходным тоже придумаю отговорку.

* * *

Мы вышли на беговую дорожку: все в одинаковых красно-черных спортивных костюмах, словно клоны. Оливия и Миша промчались мимо нас – они относились к физкультуре серьезнее, чем я, Кэндис и Вайолет. Кэндис отвернулась от нас с Вайолет и теребила свой телефон, пролистывая песни, которые не устраивали ее в тот момент, и не в такт подпевала выбранным. Если бы и я захватила телефон, то могла бы избежать разговора с Вайолет. Мы просто шли, раздражая тренера Стерлинг. Длинные тени вытянулись на гравии впереди нас.

– По поводу пятницы, – мягко произнесла Вайолет. Она, казалось, нервничала, беспокойно теребя свой медальон. – Наверное, я должна извиниться перед тобой за свои слова. Я не знала о твоей семье. В выходные я чувствовала себя просто ужасно, но не хотела писать тебе... ну, потому что все стало бы только хуже.

– Все нормально, – ответила я, не желая разговаривать о Дженни на стадионе в такой прекрасный осенний день; дул прохладный ветерок. – Ты новенькая в городе. Откуда тебе было знать?

Она нервно прикусила губу, как часто делала. Не будь Вайолет такой хорошенькой, было бы легко отнести ее к нервным ботаникам и застенчивым чудакам нашей школы.

– Не хочу показаться фриком, но иногда я вижу всякое. На самом деле я не обсуждаю это с людьми... Ну, то есть... никогда. Но как я и сказала, мне очень жаль, что я упомянула пожар.

Я почувствовала, как все вокруг меня словно бы затормаживается, как замедленные кадры в фильме. Правильно ли я ее услышала? У нее какие-то экстрасенсорные способности? Возможно, мои подозрения не были беспочвенными.

– Э... а ты могла бы уточнить? – спросила я. – Нельзя сказать такое просто так и не объяснить.

Вайолет пожала плечами, словно сказанное ею не было чем-то особенным.

– Ну, знаешь, разное. О людях. Не что-то вроде рентгеновского зрения или типа того. Но я смутно улавливаю, что с ними случилось или случится, и никогда не знаю, что на самом деле это значит. Коснувшись твоего лба, я почувствовала запах огня и увидела дым. Не знала, что ты пережила пожар в доме, – извинилась она. – Пожалуйста, не рассказывай больше никому. Я знаю, что это звучит безумно. – Теперь я уже и передвигалась медленно, как улитка. Было невозможно поверить в сказанное Вайолет. И все-таки...

– То есть... машина Оливии? – осмелилась спросить я. – Ты упомянула в истории, что ее родители собирались подарить ей красную машину на день рождения. Произнося это, ты знала, что красный «Приус» уже стоял на парковке Ричмондов?

Вайолет сморщила носик, очевидно, переживая из-за моих расспросов. Мне не хотелось на нее давить – но, вполне естественно, у меня возникла масса вопросов.

– Нет, я не знала, что он уже там. Она говорила, что хочет «Приус», так что я придумала ту часть. Наверное, просто угадала.

– Это очень и очень странно, – заметила я. С одной стороны, я была благодарна, что Вайолет открылась мне. С другой – она ужасно пугала меня. – Что еще ты знаешь... обо мне?

Она осмелилась взглянуть мне в глаза лишь на секунду, а потом посмотрела в небо, избегая моего взгляда.

– Ничего, правда. Это все. Только пожар. И... у тебя ведь есть собака? Медленная, пятнистая и пушистая?

Мокси была британским спаниелем. Она действительно стала в последнее время медленной, едва ковыляя на пораженных артритом лапах. Я кивнула, признавая, что у меня на самом деле есть собака, но не поверила Вайолет ни на секунду.

Она знала больше, намного больше. Но если я расскажу об этом друзьям, они посчитают меня сумасшедшей.

И, по всей видимости, каким-то образом Вайолет достаточно хорошо меня узнала, чтобы довериться. Наверное, почувствовала, что я ее подозреваю.

Но больше всего меня интересовало другое (хотя я и не осмеливалась об этом спросить): если Вайолет почувствовала пожар, который когда-то убил мою сестру, были ли ее истории об Оливии, Кэндис и Мише как-то связаны с реальностью?

* * *

– Мистер Дин считает, что мне нужно выдвинуть свою кандидатуру на место классного казначея, – рассказала я маме за ужином, помешивая макароны в тарелке. За столом я вела себя необычайно тихо, думая о Вайолет и обо всем том, что она поведала на уроке физкультуры. Обычно я бываю не так замкнута во время еды – но в тот момент мне не хотелось признаваться маме, что я подозреваю подругу в обладании сверхъестественными способностями. Она тут

же позвонила бы папе и попросила бы его оценить мое психическое состояние.

– Казначей? А почему казначей? Ты бы гораздо лучше проявила себя в качестве секретаря, – сказала мама. Она никогда не поощряла меня стремиться к тому, к чему не лежало сердце. «Побереги свою энергию для важных дел», – любила она говорить.

– Я не могу претендовать на место секретаря. Победить не получится. Трейси Хартфорд всегда баллотируется на место секретаря и каждый год побеждает. Я могу попробовать стать казначеем, потому что тут у меня хоть какой-то шанс есть, – пояснила я.

Мама вылила еще одну порцию холодного соуса на макароны.

– Это не мысли победителя, – пожурила она меня. – Я даже не знала, что тебя интересует ученический совет. Кто еще баллотируется?

– Джейсон Аркадиан, – ответила я, яростно накручивая спагетти на вилку.

Бесполезно объяснять маме, что вряд ли мои соученики проголосуют за меня, а не за Трейси. И что, если я решусь бросить ей вызов, баллотируясь в секретари, могу огрести публичное унижение.

– Ну, а Джейсон Аркадиан очень хочет быть казначеем класса? Разве ты не будешь жалеть, что лишила его этого шанса, просто чтобы поразвлечься пару дней? – критично спросила мама. Она явно не понимала нравы и обычаи старшей школы Уиллоу.

– Нет, потому что я тоже заинтересована в этой должности, – призналась я. Теперь, после предложения мистера Дина, все эти планы и возможности, связанные с выборами, дали моему мозгу безопасную гавань – вдали от тревожных мыслей о Вайолет и ее странных видениях. Я могла бы успешно собирать деньги, в этом не было сомнений. Я плохо знала уехавшую в Чикаго Эмили Моррис, но мне казалось, что та баллотировалась только из-за Оливии. Мне даже не придется прилагать особых усилий, чтобы превзойти ее в работе. – Мне нужно будет организовать сбор средств для поездки класса в мае. У меня уже есть пара идей.

Мама уставилась на меня с другого конца стола так, словно перед ней инопланетянин.

- Ты серьезно?

- Да, - ответила я.

- Ну, если тебя это интересует, тогда и меня тоже. Это будет хорошим дополнением к твоему заявлению в колледж. Что нужно делать?

Я сказала ей, что мне нужно будет официально объявить свою кандидатуру в пятницу на собрании после школы. Как только слова сорвались с губ, я поняла, что присутствие на этом собрании усложнит поездку в Кеношу. Но зато почувствовала себя немного лучше по поводу отказа поехать с Черил в Мэдисон. Получается, я не совсем соврала ей: в конце концов, у меня правда было назначено мероприятие в пятницу после уроков, которое не позволяет мне пойти с ней на концерт.

- Завтра куплю ватман в «Уолгринс». Но все-таки подумай о противостоянии Трейси Хартфорд. Ее мать слишком болтлива, - заметила мама.

* * *

Вечером, делая домашку, я нарочно не опускала жалюзи, потому что заметила, что и Трей не опустил свои. Его было невозможно разглядеть в комнате, но свет был включен - так что, скорее всего, он не спал. Я весь день переживала из-за того, что он проигнорировал меня там в коридоре, возле шкафчиков. Хотя, учитывая то, что Вайолет рассказала мне на физкультуре, - пожалуй, у меня были и более серьезные основания для тревоги. Генри написал мне. Мое сердце колотилось - бум-бум-бум, - пока я читала его сообщение. Он спрашивал, какого цвета мое бальное платье. Генри собирался арендовать смокинг и хотел, чтобы пояс совпал по цвету с платьем и мы в самом деле походили на пару. Интересно, купит ли он бутоньерку. Мама просто растает, если в нашем доме появится парень и наденет мне на руку бутоньерку.

Около часа ночи я почувствовала такую усталость, что едва могла держать глаза открытыми. Я встала, чтобы опустить жалюзи. Поднявшись, глянула в окно и

увидела, что Трей смотрит прямо на меня. В этот раз не стала махать ему – не хотела снова почувствовать себя дурой.

Мгновение мы удерживали взгляды друг друга. Наконец, Трей кивнул, признавая мое присутствие. Я первой отвернулась и закрыла жалюзи, со стыдом гадая, что могло бы случиться, если бы я оставила их поднятыми, переодеваясь в пижаму. Подсматривал бы Трей? Хотел бы он, чтобы я знала, что он смотрит? Всего лишь представляя себе такую возможность, я почувствовала, как загорелись щеки, а пульс участился. Почему я вообще думаю о флирте с Треем Эмори?

В ту ночь мне не давали уснуть мысли о Вайолет. Кто она такая? Так ли она невинна, как хочет казаться? В самом ли деле она знала обо мне так мало, как утверждала?

А еще меня не оставляли мысли о Трее: ненавидел ли он меня и если да, то почему? Я знала, что мне не стоило обо всем этом думать. Нужно подумать о планах предстоящей предвыборной кампании. К тому же Генри Ричмонд думал обо мне, у него был мой номер телефона, и мы должны встретиться в субботу вечером.

* * *

– Посмотрите, девочки. Мне кажется, это оно.

Оливия вышла из примерочной в платье, которое с трудом нашла в «Тарте», одном из двух крутых бутиков в маленьком молле в Ортонвилле, что к западу от Уиллоу. Этот торговый центр был далеко не таким большим, как в Грин-Бей, но мы решили съездить туда в среду после школы: вдруг «платье мечты» Оливии найдется там. У мамы Кэндис был маникюрный салон в торговом центре Ортонвилла, поэтому Кэндис настаивала, чтобы мы избегали основного торгового холла – иначе ее мама могла бы узнать, что ее дочка поехала за покупками вместо выполнения домашней работы.

– Ого. Думаю, это оно, подруга, – заметила Кэндис, попивая через трубочку ледяной шоколадный латте.

Платье (без бретелек и достаточно темного, чтобы не казаться летним, оттенка кремового цвета) идеально сидело на Оливии. Его покрывал слой маленьких простроченных дырочек. Когда Оливия покрутилась перед зеркалом, юбка раскрылась вокруг ее колен, словно она была принцессой из диснеевского фильма.

– Мне оно вроде как нравится, – объявила Оливия. – Не совсем то, что я себе представляла, – но, может, так даже лучше.

– Оно такое сексуальное, – вставила Вайолет. – Купи его на всякий случай, вдруг его позже уже не будет.

Прежде чем Оливия вернулась в примерочную, чтобы снова надеть джинсы и шелковую блузку, я мельком увидела цифру на ценнике и чуть не ахнула. Я гадала, узнала ли Вайолет платье, которое Оливия понесет домой в фирменном ярко-розовом пакете «Тарт», – выглядело ли оно так же, как платье из ее предсказания. Вайолет была необычайно энергична и разговорчива по пути из Уиллоу, и я подозревала, что она намеренно избегала зрительного контакта со мной.

Вернувшись в город, Оливия высадила Мишу первой, потому что той нужно было на урок гимнастики вместе с Амандой. Вайолет настояла на том, чтобы ее высадили у библиотеки, откуда мама заберет ее после работы. Я удивилась, что, помимо Кэндис, которая ехала на переднем пассажирском сиденье красного «Приуса», я осталась в машине последней. Если тебя высаживают последней – значит, Оливия меньше всего хочет от тебя избавиться.

Я решила, что пришло время проверить реакцию Оливии на мои планы баллотироваться в казначеи. Я объявила об этом как бы между прочим, словно все еще раздумывала над идеей.

– Уверена, что хочешь этого? Ну, этот ученический совет – такой скучный. Просто ужас. Я выдвинула свою кандидатуру на место президента только потому, что папа очень хочет, чтобы я получила стипендию Университета Висконсина.

Поразмыслив над шансом победить в выборах, к среде я уже была уверена, что хочу участвовать. Что важнее, я была уверена, что хочу победить. Странно, что за два дня, прошедшие после того, как мистер Дин посоветовал мне

попробовать, я перешла от «мне плевать на ученический совет» до чувства, что просто жить не смогу, если не одержу победу.

– Абсолютно, – ответила я. – Мне не будет скучно. Не считай меня фриком, но чем больше я об этом думаю, тем больше мне нравится эта идея.

– Ты точно псих! – воскликнула Оливия. – Но собрания станут менее отстойными, если там будешь и ты. Нужно баллотироваться вместе, вроде как командой! – Получив не только одобрение Оливии, но и почувствовав ее энтузиазм, я лишь утвердилась в своем решении. Благодаря паре слов Оливии мое участие в выборах превращалось из сомнительной затеи с риском для моего социального статуса в необходимый шаг к моей уверенной победе.

– О боже, девчонки, вы так помешаны на политике, – пожаловалась Кэндис. – Что мне делать в этом захолустье, когда вы обе попадете на Капитолийский холм?

– Выйти замуж за Айзека и нарожать ему штук пятьдесят детей, – пошутила Оливия.

Мы подъехали к моему дому, и в груди заныло, когда я увидела, что машины мамы еще нет. Наверное, она все еще едет из Шебойгана. В любое время дня мне было неприятно входить одной в пустой и темный дом – таким острым было ощущение, что мне бы не пришлось проводить время в одиночестве, если бы не случился пожар. По крайней мере, Мокси будет мне рада, даже если я просто выпущу ее обнюхать все на заднем дворике.

Я взяла рюкзак и открыла заднюю дверь машины, но тут Оливия сказала:

– А у Вайолет все еще нет партнера для танцев.

Я замерла. Тон Оливии из беспечного и шутливого мгновенно стал угрожающим. Как это возможно, что уже среда, а Вайолет все еще не набралась сил пригласить кого-то? Неужели она не знала, что Оливия и Кэндис не позволят ей пойти на бал в одиночку? Посещение танцев без партнера возможно для непопулярных девчонок, но это непозволительно для подруги девушки, которую через пару недель могут назвать Королевой бала.

– Она говорила тебе, что собирается пойти одна? То есть я знаю, она сказала, что у нее есть платье, но это просто... – Кэндис замолкла, подбирая правильное слово. – Жалко.

Я покачала головой, желая отдалиться от вопроса наличия партнера для танцев у Вайолет.

– Нет, она ничего не говорила, – заявила я.

– Ну, если она что-то таки скажет, попробуй отговорить ее идти на танцы в одиночку? То есть, конечно, она может делать что хочет, но это будет смотреться странно, – сказала Оливия.

Я открыла ключами заднюю дверь и вошла в дом, все еще чувствуя себя неловко – несмотря на то, что интерес Генри ко мне не позволит кому-либо вести такие же разговоры за моей спиной. Если бы не это, Оливия и Кэндис могли бы наброситься на меня так же, как сейчас на Вайолет. Подобные мысли меня ужасали: совершенно ясно, что «настоящий» парень важнее для достижения популярности, чем победа на выборах в ученический совет. Генри просто пригласил меня на танцы – но никак не дал понять, что хочет и дальше со мной встречаться. Бал выпускников создаст те же самые проблемы заново.

Мокси приковыляла к задней двери, чтобы поприветствовать меня, помахивая хвостом. Я погладила ее и вышла с ней на задний двор, чтобы она могла размять лапки. Солнце уже садилось, хотя еще и семи не было, – еще одно напоминание, что лето закончилось. Я услышала, как открывается задняя дверь Эмори. Мое тело словно пронзил разряд электричества, когда я глянула за забор. Трей вышел на улицу с банкой кошачьих консервов в руках.

– Привет, – без энтузиазма поздоровался он, пересекая двор и подходя к кустам, где мы в начале недели видели кошку с котятками.

– Привет, – ответила я, стараясь оставаться такой же равнодушной, как и он.

Трей исчез из виду, присев у кустов азалии, чтобы поставить еду на землю, а я мялась, желая что-то добавить.

– Как у них дела? – крикнула я за забор, мечтая, чтобы мне не так страстно хотелось обратить на себя внимание Трея.

Он встал, но ответил только через некоторое время.

– Они в порядке. – Трей смотрел прямо на меня поверх забора. – Один не пережил первую ночь. Но остальные пятеро подрастают.

Мысль о не пережившем первую ночь котенке наполнила меня грустью. Жалость охватила меня – для меня это ощущение было так же знакомо, как голод или бессонница.

– Это ужасно, – произнесла я слегка дрожащим голосом. Я даже не подозревала, что могу расплакаться из-за смерти маленького котика, которого даже ни разу не погладила.

Трей нахмурился, опустив взгляд (наверное, на маму-кошку под кустами), и согласился:

– Да. – Было еще не совсем темно, и наш мрачный разговор сопровождался начинавшейся трескотней сверчков. Луна уже высоко стояла в вечернем небе.

Трей быстро глянул за плечо на собственный дом, потом на меня.

– Странно, – произнес он.

– Что?

– Ты это чувствуешь? Словно кто-то следит за нами.

Я осмотрелась, в тот момент явственно ощущая, что он прав. Мне казалось, что здесь кто-то есть и он наблюдает за нами, как в подвале Ричмондов в предыдущую пятницу, когда мы с девочками играли в эту дурацкую игру. Я понимала, что глупо даже думать об этом, – но Вайолет сказала мне, что может видеть разные вещи, когда касается людей: события из их жизни, которые иначе не могла бы знать. Интересно, она ли наблюдала за нами там и тогда. Я почувствовала, как волоски встают дыбом на руках, а кожа покрывается

мурашками. Чувство не из приятных. Мне захотелось оказаться с Треем на одной стороне забора.

– Ага, – согласилась я. – Я тоже это чувствую.

Кажется, Трей собирался что-то добавить – но тут мы услышали шум двигателя маминой машины. Фары осветили алюминиевую облицовку дома Эмори, когда она подъехала к дому. Из машины доносилась кантри-музыка.

– Увидимся, – тут же помахал мне Трей. Он вернулся в дом через заднюю дверь, и я похлопала в ладоши, подзывая Мокси.

– Мокси! Пойдем, девочка! – позвала я. Уши моей любимой старой собаки наострились, и она поковыляла ко мне так быстро, как могла. Мама вошла в дом и поставила сумки с купленным фаст-фудом.

Я подождала, пока Мокси поднимется по ступеням на веранду. В кухне она заскулила, почувствовав запах завернутых в фольгу бургеров, лежавших на столе.

– Это с Треем ты разговаривала, когда я вернулась домой? – спросила мама.

– У Эмори котята на заднем дворе, – ответила я, избегая вопроса о разговоре с Треем.

– Трею бы не помешало постричься, – продолжила мама, игнорируя мою попытку сменить тему и передавая мне тарелку. – Вы с Дженни всегда играли у Эмори в детстве. У них были отличные качели. Трей отвез вас в школу на автобусе, когда вы только пошли в первый класс.

Я молча развернула свой бургер, не желая вспоминать прошлое. Я смутно помнила, как мы втроем играли во дворе Эмори, махали ногами на качелях, поднимаясь все выше и выше. Дженни говорила, что хочет прикоснуться к небу.

– Я всегда думала, что кто-то из вас выйдет замуж за Трея. Вы трое были тогда неразлейвода. Мэри Джейн давала мальчику много свободы. От оказывался есть корочку хлеба, когда оставался у нас на обед, потому что его мама срезала ее

для него...

– Мама, – холодно прервала я ее. – Я не хочу думать об этом.

Слова сорвались с губ, прежде чем я их обдумала, но они были честными. Я не хотела вспоминать. Мысли о том, каково это – бегать по Марта-Роуд с Дженни, были слишком странными и вызывали грусть. В детстве мы летом слонялись по округе. Теперь эти воспоминания о падениях с велосипедов, разбитых коленках, прятках в квартале и лазании по заборам возвращались.

Мама сосредоточенно выдавила кетчуп и горчицу на бургер и снова накрыла его булкой, видимо, осторожно подбирая слова.

– Прости, МакКенна. Это все из-за времени года. Как только листья начинают менять цвет, я не могу не вспоминать, каково было, когда вы были маленькими девочками.

Я решила проигнорировать ее и кинула Мокси большой кусок мяса из бургера.

– Я не влюблена в Трея. Так что... просто перестань думать, что мы будем вместе. Этого не будет.

Позже тем же вечером я упорно пыталась заснуть. Все переживания, мучившие меня в начале недели – из-за Вайолет и игры, – ушли, и мои мысли полностью обратились к Трею Эмори. Во время двух последних встреч с ним я даже не додумалась приглядеться, какого цвета его глаза. Уверена, светлые. Зеленые или голубые? Вспомнить не получалось. В ту ночь на нем не было армейской куртки, но я так удивилась, увидев его во дворе, что во время разговора даже не обратила на это внимания. Я думала о его бицепсах: они заметнее под черной футболкой, чем мне представлялось. Интересно, качался ли он. Если да, то где? И почему так старался прятать руки под старой курткой?

И я совсем не подумала о том, что Оливия нашла себе платье, но не туфли для танцев.

Утром в пятницу я убрала розовый кашемировый кардиган в школьную сумку, готовясь к игре в Кеноше вечером.

– Вернусь поздно, – сообщила я маме на кухне. Она исправляла работы студентов, зажав красную ручку в пальцах и готовясь нанести удар.

– Насколько поздно? – спросила мама, едва отрывая взгляд от проверки.

– Поздновато, – уклончиво ответила я. Кеноша находилась в трех часах езды от Уиллоу, а игра начиналась в семь. Даже если бы все закончилось ровно в девять, в чем я сомневалась – по прошлому опыту знала, что вступительное шоу будет длиться по крайней мере двадцать минут, – домой я доберусь не раньше полуночи.

– Можешь уточнить, насколько «поздновато»? – попросила мама, наконец откладывая красную ручку, поправляя очки и глядя на меня.

Я закатила глаза, зная, что она возмутится, если я вернусь после полуночи.

– Я еду на футбольный матч с Оливией и Кэндис. Игра должна начаться в семь, но, скорее всего, начнется позже. Она продлится около двух часов и пройдет аж в Кеноше, потому я не успею до комендантского часа, если мы останемся до конца матча.

– Мне не нравится мысль, что ты вернешься после полуночи, – сказала мама. – А кто поведет машину?

Я поколебалась, не желая сознаваться, что мы поедем на машине Пита. Дорогой машине Пита.

– Парень Оливии, – ответила я.

– А сколько лет парню Оливии? Достаточно, чтобы купить пиво?

Становилось все сложнее подавить стон и желание сказать маме, что она ведет себя нелепо.

– Мам, никто не собирается пить пиво. Не понимаю, в чем проблема. Ты отпустила меня на игры в прошлом году с оркестром и не психовала из-за этого.

Мама вздохнула, словно больше не могла ничего слышать.

– МакКенна, ты мне нравилась намного больше до того, как стала популярной. Ты должна вернуться домой к полуночи. Точка.

Я громко вздохнула, давая ей понять, что она разрушает мою социальную жизнь. И как мне теперь сказать друзьям, что мне предстоит испортить вечеринку и вернуться домой раньше всех?

В обед столовая гудела от возбуждения. Футбольная команда, включая самого Айзека, вела себя шумно и несносно – очевидно, заводясь перед вечерним матчем.

– Нужно уехать не позднее трех сорока пяти, – сказал нам Пит. – У меня часовая баскетбольная тренировка после уроков, а потом давайте все встретимся перед библиотекой.

Я вздохнула от облегчения. Какое бы информативное собрание мистер Дин ни подготовил для тех из нас, кто собирался баллотироваться в ученический совет, оно не могло занять больше часа.

– Ты же пойдешь на собрание по выборам в ученический совет, да? – спросила я Оливию, рассчитывая, что мы пойдём туда вместе (и надеюсь, что она не шутила, когда назвала нас командой).

– Не уверена, – ответила та, сморщив носик. – У меня небольшой кризис. Я все еще не нашла туфли для завтрашнего бала, которые бы подходили к платью. То есть у меня есть пара белых на каблуках со свадьбы дяди, но они совершенно не подходят. Я думала о том, чтобы быстро смотаться в молл после школы и потом встретиться с вами на игре.

В животе возникло неприятное чувство. Если Оливия не собиралась на собрание мистера Дина, то насколько вообще она собиралась претендовать на место президента? Что, если мистер Дин не позволит ей участвовать в выборах, потому

что она так спокойно проигнорировала важное собрание? Что, если Майкл Уолтон увидит свой шанс и украдет у нее желанную роль президента, а мне придется провести остаток одиннадцатого класса, слушая его нудные жалобы на нехватку нормальных баков для раздельного мусора в столовой?

– О боже, Оливия, это прям как в истории Вайолет, – объявила Кэндис, широко раскрыв глаза.

Сидевшая на другом конце стола Вайолет повернулась к нам.

– То была просто глупая история, – пробормотала она.

И правда странно, что в пятницу, в день большой игры, как говорила Вайолет в истории о вымышленной смерти Оливии, та действительно собиралась поехать в торговый центр. Я почувствовала холодок, вспоминая, как Вайолет сказала мне после вечеринки, что иногда видит разные вещи.

– А что насчет танцев? – внезапно спросила Оливия, словно именно в тот момент она поняла, что Вайолет так и не подтвердила наличие партнера. Тема схожестей между обстоятельствами этого дня и историей Вайолет была забыта. – С кем ты идешь?

Лицо Вайолет просияло, глаза вспыхнули.

– А разве я не говорила вам? Я иду с парнем из моей церкви. Он учится в школе Святого Патрика в Ортонвилле.

Миша глянула на меня, вскинув бровь, а я отвернулась, не желая продемонстрировать Вайолет наши сомнения. Она точно ни разу не упоминала этого загадочного парня. Оливия, не отличавшаяся скептицизмом, помимо особенных случаев, выглядела по-настоящему удивленной. – Правда? Отлично! А как его зовут?

– Марк, – ответила Вайолет. – Риган. Кажется, он ходил в школу Уиллоу до пятого класса, а потом родители перевели его в частную.

– Я его помню, – скучающим тоном заметила Кэндис. – Помню, как он в первом классе съел несваренные макароны, когда нам нужно было сделать из них ожерелье для мам на уроке ИЗО. Кучерявые волосы, ямочки на щеках?

Вайолет кивнула.

– Интересно. Не могу представить, как он выглядит сейчас, – прокомментировала Миша, очищая шершавую кожуру апельсина.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Cotton candy (англ.) – сладкая вата (Прим. переводчика).

2

Организация, созданная для объединения самых талантливых и успешных в учебе школьников (Прим. редактора).

3

Камера, использующая 8-мм пленку. Популярный в 1970-80-х в США аппарат, позволявший снимать фильмы в домашних условиях (Прим. редактора).

4

Игрушка, состоящая из подсвечивающейся панели и цветных прозрачных колышков. Колышки вставляются в панель, формируя рисунок или надпись (Прим. редактора).

5

В английском языке есть нейтральное обращение «миз» (mizz, сокращенно Ms) по отношению к разведенным (и другим) женщинам (Прим. редактора).

Купить: https://tellnovel.com/aarsen_zoi/legkiy-kak-peryshko

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)